

ШАГАЙ ВПЕРЁД, КОМСОМОЛЬСКОЕ ПЛЕМЯ

05
ЖС И 86

50

Искорка

В. НИКОЛАЕВ

ЕЖЕМЕСЯЧНИК

газеты
«Ленинские
искры» —
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

ОКТАБРЬ • 1968

год издания XII

ГОРНИСТЫ

ОТВАЖНЫМ ГОРНЯТ

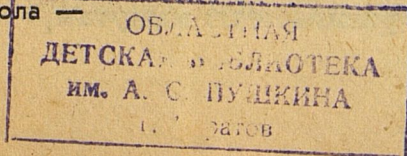
Горнисты горнили: «По коням!»
Горнисты горнили: «Вперёд!»
В разведку, в атаку, в погоню
Летел восемнадцатый год.
С Чапаем летел на тачанке,
С Котовским лавиною шёл.
В шинели, в бушлате, в кожанке
Рождался в боях комсомол.
Такая судьба с дня рожденья:
Садись на коня — и скачи!
Гремит за сраженьем сраженьё,
Горнят на заре трубахи.
Не саблей — простою лопатой,
Киркою, пилой, топором
Врубались в разруху ребята,
Шагали тайгой напролом.
Туманились дальние дали,
Дороги не знали конца...
Глаза — где покруче искали,
Летели на полюс сердца.
Сквозь выюги, метели и бури
Горнисты горнили «поход» —
Вставал Комсомольск-на-Амуре.
Турксиб пробивался вперёд...
Анкету читай комсомола —

Учения годы встают:
Магнитка — железная школа.
Кузбасс — трудовой институт.
Держал он суровый экзамен,
И главный его аттестат —
Пробитое пулями знамя,
Пылающий вражий рейхстаг!
Не сняв гимнастёрки, шагали
Ребята с войны в институт
И сотни зачётов сдавали
Под общим названием — ТРУД.
И встала в пустынях пшеница,
Турбинами реки гудят!
По праву Отчизна гордится
Большими делами орлят.
Всё дальше походы бывые
И новые зори встают.
Сдают караул часовые,
Другие ребята в строю.
В грядущее смотрят открыто,
И вновь, как полвека назад:
— На вахту! В полёт!

На орбиту! —

Горнисты, горнисты горнят.

Рис. Ю. Вочкарёва

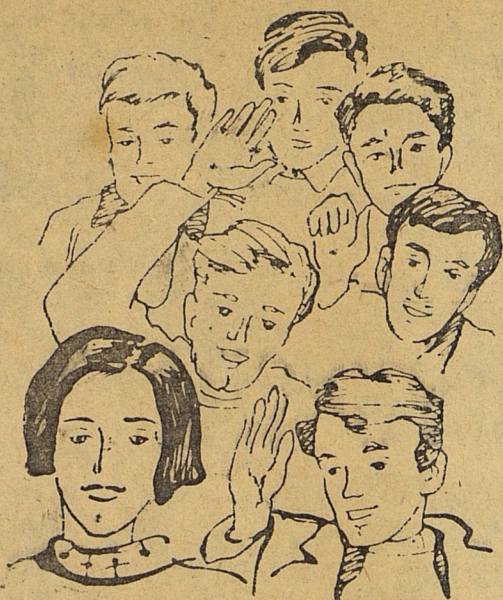

Б. МЕТЛИЦКИЙ

30 минут у Владимира Ильича

СТРАНИЧКА ИСТОРИИ
КОМСОМОЛА

Рисунки П. ВИСКОВА

СОБЫТИЕ, которому посвящён наш рассказ, произошло осенью 1918 года в Москве. 29 октября здесь открылся I съезд союзов молодёжи. В ту пору в стране существовало множество объединений с различными названиями: «Союз рабочей молодёжи имени III Интернационала», «Социалистический союз рабочей молодёжи», «Союз пролетарской молодёжи» и другие. Что ни город, то свой союз. Для того чтобы объединить разрозненные организации в одну, и съехались юноши и девушки молодой Советской республики в столицу.

Каждый из делегатов — а их было около двухсот — направлялся в Москву с особенно радужным настроением: ведь он увидит и услышит Ленина!

Однако обстоятельства сложились так, что Владимир Ильич, перегруженный важными делами, не смог прибыть на съезд и выступить с речью. Узнав об этом, делегаты вначале пригорюнились, а потом решили — избрать товарища Ульянова-Ленина почётным председателем съезда и послать к нему делегацию. Приветствовать главу государства от имени молодёжи страны поручили президиуму.

Но как попасть к Ленину? Обратились к Н. К. Крупской — выручайте, Надежда Константиновна! Она охотно откликнулась и пообещала помочь. На следующее утро позвонила по телефону и сказала, что Владимир Ильич будет ждать посланцев съезда завтра утром у себя в кремлёвском кабинете.

— Только, пожалуйста, не опаздывайте! День Владимира Ильича расписан по минутам, — добавила она.

После окончания дневного заседания съезда члены президиума заперлись в одной из комнат и начали обсуждать план дальнейших действий. С В. И. Лениным должны были встретиться москвичи Безыменский, Цетлин, Шацкий, петроградцы Герр и Рывкин, уралец Сорвин, делегаты: Северной области — Дугачёв, западных губерний — Ахманов, южных — Попов.

Волновались все страшно. И это понятно: каждый из девяти счастливцев, из которых старшему было двадцать, а младшему едва набежало шестнадцать лет, не представлял как следует, что за человек Владимир Ильич.

— Как мы подойдём к нему, как говорить будем? — беспокоился один.

— Вроде радостно, а душа под половицу убежать норовит, — вторил другой.

Действительно, о чём беседовать с Лениным? Ведь разговор особенный — от имени целого съезда! И как выступать: одному или всем поочерёдно?

Долго спорили, пока согласились наконец, что «вступительное слово» о цели посещения и краткий «доклад» о положении молодёжного движения и работе съезда делает Ефим Цетлин. Набросали ему на листке бумаги примерный перечень вопросов, о которых непременно надо сообщить Владимиру Ильичу.

Ефим, необыкновенно гордый ответственным поручением, блестя глазами, заявил:

— Целую ночь спать не буду! Авось сочиню что-нибудь толковое!..

— А если бестолковое? — забеспокоился кто-то.

— Ничего! — протянул Лазарь Шацкий. — Если начнёт чушь городить, я ему ногу отдамлю незаметно.

Хотели было разойтись, но Шацкий снова подал голос:

— Ребята! Мы не имеем права сидеть перед Владимиром Ильичём! Он — глава государства, а мы... — Лазарь выразительно повертел рукой. — Словом, если он попросит нас сесть — будем стоять.

Остальные запротестовали:

— Стыдно, Лазарь, так думать. Вспомни, что рассказывали старые партийцы. Владимир Ильич, если хочешь знать, образец человеческой скромности и благородства. А ты — стоять!..

Шацкий наморщил лоб, чуточку подумал и сказал:

— Вот что. Вы действуйте как хотите, а я оставляю за собой право решить вопрос по-своему...

Кое-как дождались утра. На беду в общежитии, где ночевали делегаты, кончились запасы ржаных сухарей —

◆ 29 октября — 4 ноября 1918 года в Москве состоялся I Всероссийский съезд союзов рабочей и крестьянской молодёжи. Почётными председателями съезда делегаты избрали Владимира Ильича Ленина и Карла Либкнехта. Работой по подготовке съезда руководил Яков Михайлович Свердлов. По поручению ЦК РКП(б) с докладом «О текущем моменте» на съезде выступил Емельян Михайлович Ярославский.

◆ День 29 октября 1918 года и явился днём рождения комсомола.

единственное, чем могла с ними поделиться голодная Москва. Похлебали горячего кипятку с «таким», подтянули потуже животы и зашагали в Кремль.

Среди членов президиума была единственная девушка — Женя Герр.

— Должна признаться, — рассказывала она впоследствии, — несмотря на то, что мы были проникнуты самыми чистыми и возвышенными чувствами в ожидании предстоящей встречи с Владимиром Ильичём, мы всё же сильно хотели есть. Не совладав с человеческой слабостью, мы совершили финансовый анализ карманов и, сложив все свои богатства, купили на углу Лубянки у торговли почти целую буханку хлеба...

Друзья бережно разделили хлеб на девять частей и, двигаясь дальше, принялись с аппетитом уминать его. Разговоры по-прежнему вертелись вокруг встречи с Лениным. То один, то другой неожиданно вспоминал что-либо упущенное и непременно важное. Останавливаясь, начинали обсуждать доводы «за» и «против». Затем принимали или отвергали предложение и продолжали путь.

Вот и Кремль. Выписали в комендатуре пропуска, миновали просторный кремлёвский двор, поднялись по лестнице дома правительства и очутились в приёмной В. И. Ленина.

И тут — о ужас! — выяснилось, что делегация сильно запоздала. Слишком много митинговали по дороге, а час-то — время проверить — ни у кого нет.

Секретарь В. И. Ленина Лидия Александровна Фотиева, строго оглядев разом притихших делегатов, сухо сказала:

— Молодые люди! Владимир Ильич очень любит молодёжь и рад с нею разговаривать. Но он, — не знаю, помните ли вы об этом, — является Председателем Совета Народных Комиссаров, и время у него в достаточной степени

занято. Товарищ Ленин всегда повторяет, что опоздание на одну минуту к назначенному сроку уже является преступлением. Так как вы превысили эту норму, — Фотиева бросила взгляд на циферблат старинных стенных часов, — ровно в сорок раз, вам придётся ждать, и ждать долго. У Владимира Ильича сейчас товарищ с весьма важным докладом.

Пристыжённые члены президиума скромно забились в уголок. Ещё не видя Ленина, они получили превосходный урок того, как нужно беречь чужое и собственное время.

Сидя в углу, волнуясь, переживая нелепое опоздание, восемь молодых людей и одна девушка продолжали тем не менее давать последние наставления «докладчику». Вконец задёрганный Цетлин уже ничегошеньки не соображал и только уныло поддакивал...

Прошло довольно много времени. Внезапно дверь кабинета раскрылась. Владимир Ильич, провожая посетителя, выглянул в приёмную. Заметив ребят, улыбнулся:

— А-а, молодёжь пришла! Заходите, заходите смелее...

◆ 200 тысяч комсомольцев сражались на фронтах гражданской войны.

◆ 5103 комсомолец — бойца гражданской обороны — награждены самой высокой наградой тех лет — орденом Красного Знамени.

◆ Деятнадцатилетний комсомолец Альберт Лапин командовал дивизией, взявшей в плен Колчака. Сын писателя А. Серафимовича комсомолец Анатолий Попов был комиссаром отряда особого назначения. Будущий писатель Аркадий Гайдар в шестнадцать лет командовал полком.

— Только вы не очень там задерживайтесь, — шепнула Фотиева. — У него сегодня столько дел...

Гуськом потянулись в кабинет.

Ленин, знакомясь, крепко жал каждому руку, приглашал садиться. Вдруг спохватился: мебели-то в кабинете мало! Начал носить стулья из соседней комнаты. Парни бросились помогать.

— Ну, а девушку мы, конечно, посадим в кресло, — сказал он, дружески посмотрев на Женю Герр. — Тащите кресло поближе, будьте хорошими кавалерами.

Шум затих: все удобно устроились вокруг стола. Только Лазарь Шацкин, верный обещанию, застыл у своего стула, держась за спинку.

Пока Владимир Ильич убирал со стола какие-то бумаги, посланцы съезда внимательно в него вглядывались: как он? Ведь совсем недавно, в конце августа, в него стреляли враги, тяжело ранили. Нет, выглядит хорошо, бодр, оживлён. Спрятал бумаги, привычно погладил лысину, лукаво прищуренными глазами посмотрел на юных гостей, словно спрашивая: «С чем пожаловали, молодые люди?» На вид — приветливый, общительный человек. И в то же время — вождь партии, руководитель государства.

Подумали об этом ребята и как-то растерялись...

Только Ефим Цетлин, сочтя момент подходящим, несмело одёрнул куртку и чуть дрогнувшим голосом, слегка заикаясь, произнёс:

— Дорогой, многоуважаемый товарищ Ленин!..

Молчание. Восемь пар сердитых, пронизывающих глаз смотрят на Ефима. Он откашлялся и начал снова:

— Дорогой, многоуважаемый Владимир Ильич...

И смолк. На большее «докладчика» не хватило.

Ленин задумчиво потеревил рыжеватую бородку, усмехнулся и, как ни в чём не бывало, обратился к Ефиму с каким-то вопросом. Тот ответил. И сразу же от робости

и смущения не осталось и следа — так доверительно и сердечно потекла беседа.

Шацкин, убедившись в простоте Ленина, решился наконец сесть и... шлёпнулся мимо стула! Взрыв общего хохота потряс кабинет. Заразительнее всех смеялись Владимир Ильич и сам пострадавший.

Комичный эпизод окончательно разрядил атмосферу. Когда все успокоились, начался обстоятельный разговор. Обращаясь к одному, другому, третьему, пересыпая свою речь шутками, Ленин расспрашивал гостей о целях и задачах Союза молодёжи, о её роли в борьбе за упрочение советской власти, за новый, небывалый ещё на земле социалистический строй, который рождался на просторах России. Его интересовало: много ли юношей и девушек состоят членами союза, какие губернии представлены на съезде, сколько среди делегатов представителей рабочих, крестьян, интеллигенции. Он настойчиво допытывался о том, как живёт молодёжь, особенно рабочая и сельская, где учится, что читает, чем увлекается.

Некоторые ленинские вопросы казались гостям не очень существенными, скажем, «Какие же вы песни любите?» Потом они сообразили, что вопросы не случайны, — Владимир Ильич задался целью составить полное представление о быте и настроениях молодых.

— Сколько девушек на съезде? — спросил он у Жени Герр.

Та не успела и рта раскрыть, как Саша Безыменский, будто его кто за язык дёрнул, громко выпалил:

— Девять штук!

Все рассмеялись. Женья из-за спины Миши Дугачёва погрозила Безыменскому кулаком:

— Не штук, а человек!

Владимир Ильич мягко улыбнулся и сказал:

— И ещё какие человеки — женщины! Чем шире общим мы, друзья, работниц и крестьянок к борьбе пролетариата, тем быстрее и прочнее будет победа нового строя. Подумайте о том, как вовлечь в свой союз работающих на производстве и в деревнях девушек...

Женья Герр победоносно оглядела ребят!

После секундной паузы Ефим Цетлин, дружно поддержанный всем президиумом, с гордостью сообщил то главное, что непременно надо было передать Ленину:

— Мы решили, Владимир Ильич, именовать свой союз коммунистическим. Партия из социал-демократической стала коммунистической, ну и мы...

Ленин испытующе посмотрел на ребят.

— Дело не в названии, товарищи. Дело в работе, которую вы будете вести.

— Но мы оправдаем название! — запальчиво воскликнул Ефим.

Взгляд Владимира Ильича потеплел.

— Похвальное намерение. Вы видите, какая идёт жестокая борьба, сколько страданий и крови она стоит. Против советской власти, против трудящихся ополчились не только русские белогвардейцы и мировая буржуазия. Нас мучает голод, хозяйственная разруха, нам достались в наследство от прошлого неграмотность и бескультурье. Это серьёзные враги, всех их надо одолеть. В советской власти, в социалистическом обществе, которое мы обязательно построим, — ваше будущее, друзья. Задача коммунистической молодёжи — быть в первых рядах борцов за новую жизнь.

— Так мы и понимаем, — подхватил Оскар Рывкин. — У нас общие с партией цели, мы хотим воспитывать молодёжь в России в коммунистическом духе.

Владимир Ильич встал из-за стола, прошёлся по кабинету.

— Что ж, дерзайте!

Остановился перед уральцем Сорвиным и деловито осведомился у него — учится ли молодёжь военному делу, умеет ли стрелять? Гражданская война разгорается, не исключено, что многим членам союза придётся идти воевать за Советскую Россию. У Рывкина спросил о настроении петроградцев. Бодры? Очень хорошо! У Безыменского поинтересовался почином владимирцев — он слышал, что тамошние парни ездят по выходным дням в деревни и чинят семьям бедняков и красноармейцев сельскохозяйственный инвентарь. Молодцы!

— Ну, а как у вас с финансами? — вопрос обращён ко всем.

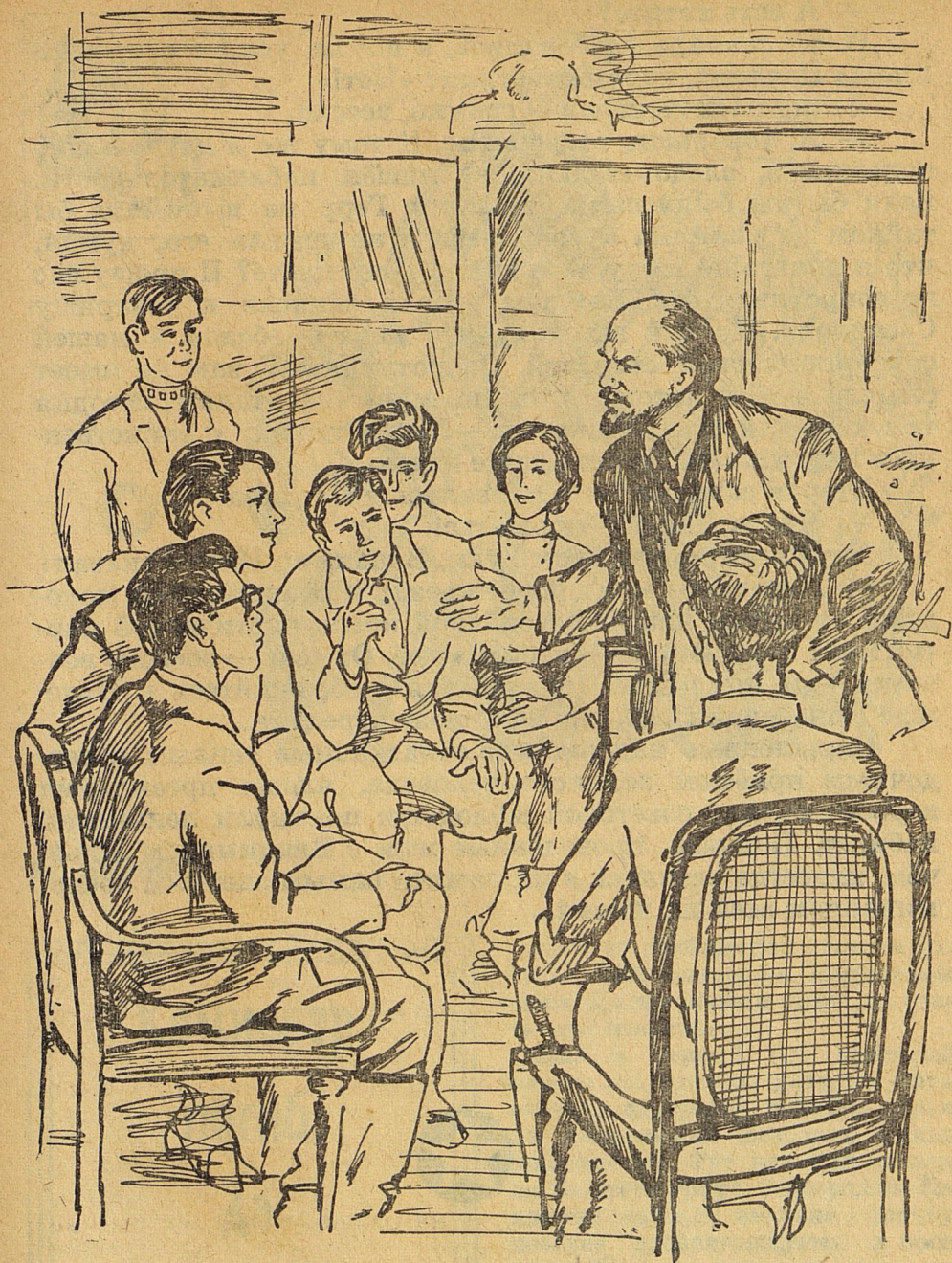
— Финансы в проекте, — скромно ответил Цетлин. — В наличии — ничего...

Ленин сел за стол, быстро написал что-то на листке бумаги. Протянул записку Ефиму:

— Это — к Свердлову.

Всего несколько слов: партия должна поддержать Союз молодёжи. И просьба — выдать десять тысяч рублей.

— Главное — хорошо работайте. Особенно опасайтесь завести у себя в комитетах людей равнодушных, чиновников. Они очень вредны. Работайте — дело у вас пойдёт. Не сомневаюсь, что в вашей организации будут миллионы молодых людей. Да, да, миллионы!

Вошла Л. А. Фотиева и что-то тихо сказала Ленину. Он согласно кивнул головой:

— Скажите, через пять минут приму...

Ребята поднялись с мест. Пора уходить. Встал и Владимир Ильич. Внимательно посмотрев на бледных и худых гостей, он вдруг громким шёпотом спросил:

— А есть хотите?

Гости сначала растерялись, а потом, увидев свирепый взгляд Цетлина, хором ответили: «Нет!»

Ленин расхохотался — громко, весело.

— Я, товарищи, старше вас. К тому же я давний подпольщик и, следовательно, не лишён наблюдательности. Если бы вы были сыты, то Женя Герр не вынимала бы тайком из кармана кусок хлеба и не грызла его, думая, что я ничего не вижу. А я вижу! Понимаете? И прошу вас не сопротивляться. Вот вам вторая записка к товарищу Свердлову. По ней вы получите девять обедов в нашей совнаркомовской столовой. Сопротивляться вам не имеет смысла ещё и потому, что, по моим сведениям, сегодня там хороший обед. Кажется, — Ленин поднял с таинственным видом палец, — есть даже пшено...

Вторая записка тоже оказалась у Цетлина.

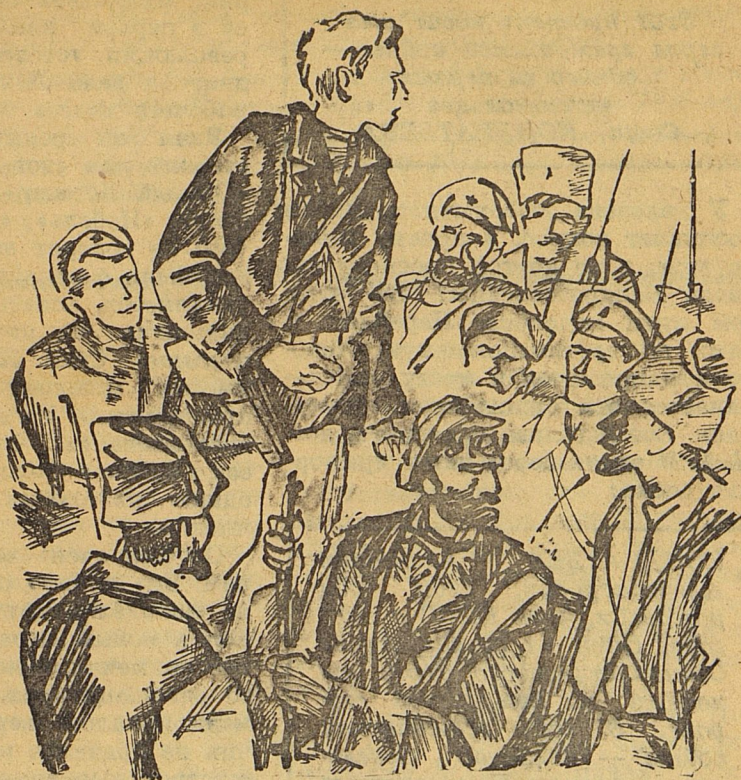
— Что ж, давайте прощаться...

Дружески пожав всем руки, Владимир Ильич сказал:

— Передайте мой привет съезду и скажите всей молодёжи от имени нашей Российской коммунистической партии: мы помним о ней, верим в неё. От себя — обещаю всячески вам помогать. Понадобится — обращайтесь к Надежде Константиновне, она мне сразу передаст...

Окрылённые надеждами, обласканные тёплым и сердечным приёмом великого человека, члены президиума перзого съезда советской молодёжи покинули ленинский кабинет. Полчаса, проведённые ими с Владимиром Ильичём, навсегда остались в их памяти самым светлым воспоминанием всей их жизни...

Эд. АРЕНИН

**Комиссар
погиб,
да
здравствует
комиссар!**

Рисунки Ю. ШАБАНОВА

Есть на Выборгской стороне проспект. Называется он Кондратьевским. До революции никто не знал такого названия.

Ещё в первый год советской власти эта одна из главных магистралей питерской рабочей окраины именовалась Безбородкинским проспектом. Тут находились земли богатого графа Безбородко. Его именем называли вначале улочку, позднее превратившуюся в проспект. Теперь, если кого спросите, где тут бывший Безбородкинский, люди пожмут плечами: «Чего-то не слышали...»

Много домов на Кондратьевском. И старых, и новых... На доме под № 14 прикреплена мраморная доска. Резец каменных дел мастера высек на мраморе пятиконечную звезду и начертал:

*Этот проспект носит имя
героя гражданской войны —
одного из первых
комсомольцев
Саши КОНДРАТЬЕВА*

У человека любопытного мигом возникает вопрос, а почему именно этот, а не другой проспект называли Кондратьевским? За ответом идти недалёко. Перейдём с вами на противоположную сторону и направимся к месту, где начинается эта оживлённая магистраль. Вот и голова проспекта, дом № 1. И опять перед нами мраморная доска:

*КОНДРАТЬЕВ Александр
Александрович, 1900 года
рождения, член КПСС с 1918
года. Один из организаторов
Социалистического союза мо-
лодёжи на Выборгской сто-
роне. В годы гражданской
войны — комиссар Невель-
ского полка. Пал смертью
храбрых в 1918 году в бою
против колчаковцев под Бу-
гильмой*

Александр Александрович!.. Парень с Выборгской стороны прожил на белом свете всего лишь восемнадцать лет... И никто его так сроду не называл. Но зато многие на Выборгской знали Сашу Кондратьева. Он здесь родился и жил.

Ещё задолго до войны я занимался поисками материалов о юном комиссаре. Ходил к его отцу Александру Кондратьеву, старому питерскому рабочему. Ходил к работникам Выборгского райвоенкомата, который в 1918 году помещался в казармах Московского полка на проспекте Карла Маркса. Ходил к старому большевику Петру Алексею, — он в том же 1918 году был секретарём Выборгского райкома партии и зачислил Сашу добровольцем Красной Армии... И встал передо мной образ юного питерского пролета-

рия, мужественного, закалившегося в первой клокочущей плавке революции, готового на любой подвиг за дело Ленина, за победу рабочего класса.

Знал он родную Выборгскую сторону как свои пять пальцев. «Старый Леснер», «Новый Леснер», «Нобель», «Эриксон» — ничего не говорят вам эти имена. Это были фамилии иноземных капиталистов, хозяев заводов, находившихся на питерской рабочей окраине. Саша Кондратьев знал многих молодых рабочих этих предприятий. Тогда только-только организовался Социалистический союз рабочей молодежи. Саша был одним из самых активных его членов.

Он был очень хорошим агитатором. Его любила слушать не только молодёжь, которую он вовлекал в новый союз, но и старики. Всё подмечал зоркий глаз молодого революционера. Уже в те времена началось переселение рабочих из подвалов и хибарок в благоустроенные дома, принадлежавшие буржуям.

— Хватит нам «Спицыных дач», — говорил на митингах Саша. — Эй вы, буржуйские прихвостни, хозяева ваши укатали за границу, некому вам теперь лизать барские сапоги, можете отдохнуть на «Спицыной даче»... — и народ громко смеялся этим словам юного агитатора.

Те, кто живёт теперь на улице Ватутина, вероятно, и не знают, что раньше на этой улице, называвшейся Тимофеевской, находилась пресловутая «Спицына дача». Народ с горькой усмешкой назвал маленькую хибарку из двух комнат — дачей. Здесь спали вповалку тридцать и более человек. «Место» в этой лачуге обычно делили на двоих. Днём здесь спал рабочий, занятый на заводе в ночную смену, а ночью — его сменщик, работавший на заводе днём.

Не так-то легко сдавались хозяйчики, когда к ним с ордером являлись переселяемые рабочие

◆ В дни Ленинского призыва в 1924 году ряды комсомола пополнили 160 тысяч юношей и девушек: в среднем каждый день в комсомол вступали три тысячи новых членов.

◆ Первая ударная бригада молодёжи была создана в Ленинграде на заводе «Красный треугольник» в сентябре 1926 года.

◆ Свыше 350 тысяч комсомольцев трудились на важнейших стройках первой пятилетки. Весной 1932 года началось строительство Комсомольска-на-Амуре.

семьи... И там, где особо упорствовали домовладельцы, появлялся Саша Кондратьев. К тому времени он уже был добровольным сотрудником 2-го отделения милиции, размещавшегося на проспекте Карла Маркса. Он был не милиционером, а вроде дружинника тех далёких лет. Мечтой Саши было раздобыть кожанку, портупею и оружие... Кожанка в те времена считалась как бы форменной одеждой настоящего революционера...

Начальник отделения Усачёв отдал молодому помощнику свою старую поношенную тужурку. Стояло жаркое лето восемнадцатого года. Но Саше было наплевать на жару, он и в июле не расставался с заветной кожанкой. Не поленился он перемахнуть через Литейный мост на Сергиевскую улицу (ныне улица Чайковского), где в доме № 27 размещался автомобильный отдел Красной Армии. Военные водители и механики улыбались, глядя на вспотевшего от духоты паренька, но откликнулись на его просьбу и снабдили портупеей, старой кожаной фуражкой, да ещё с красной звёздочкой. Саша был счастлив.

Вот в таком виде и появлялся он в домах, где возникали трудности с вселением рабочих семей.

— Разговоры прекратить! — командовал Кондратьев. — Ваше время кончено и ваши дома — это наши дома. А ежели не нравится вам жить с пролетарием, можем предложить «Спицыну дачу».

Юное лицо Саши становилось грозным и решительным. Хозяички мигом сдавались.

Сашу Кондратьева заметили и контрреволюционеры. Полно их было тогда в Красном Петрограде. Жила эта белогвардейская свора одним — уничтожить советскую власть. По ночам на Выборгской было тревожно. Заговорщики из-за угла убивали активистов-коммунистов, милиционеров...

А Саша был безоружным. Пришёл он к помощнику коменданта милиции Лотареву, начал просить какой ни на есть револьвер. Лотарев вызвал старого милиционера, хранившего оружие, и приказал:

— Обеспечьте товарища Кондратьева.

У Кондратьева в каптёрке глаза разбежались... Целая выставка револьверов: кольты, смит-вессоны, браунинги, наганы...

— А маузера нет? — спросил Саша.

— Чего нет, того нет, а из этого арсенала выбирай по душе.

И обзавёлся Саша Кондратьев старым наганом с вертящимся барабаном и к нему 25 патронами...

— Маловато, — сказал Саша.

— Так это ж не «максим»... Лент для нагана ещё не придумали... — улыбнулся сквозь усы старый служака, но ещё пять патронов добавил.

А тучи над молодой Советской республикой сгустились всё больше и больше. На нашу родную землю высаживались солдаты капиталистических государств — англичане, французы, американцы, японцы...

Белый адмирал Колчак вёл свои полки к Волге... Наседала белая орда и с юга. Грозным для Родины был восемнадцатый год. Разруха, голод, сыпняк... Каждый день из Петрограда отправлялись сформированные из добровольцев-рабочих полки. Не раз Саша Кондратьев ходил на вокзал провожать друзей.

«И мне бы с ними», — мечтал. И тут же вспоминал, что ему ещё не стукнуло восемнадцати, значит, и разговаривать не станут...

Но сам Саша считал, что он уже вполне взрослый человек, владеет оружием, стреляет метко, здоровьем крепок. Ещё весной он подал заявление о приёме его в партию большевиков. Тут хлопот с возрастом не было никаких: рекомендовали Сашу Кондратьева его дела. Активист Социалистического союза молодёжи, страстный агитатор, доброволец-сотрудник районной милиции. И стал Кондратьев коммунистом.

«А где должен находиться коммунист?» — спрашивал он себя. И отвечал: «На самом опасном для революции месте». — «А где они, самые опасные места?» — «На фронтах, товарищ Кондратьев!»

И тогда юный коммунист решился идти в райвоенкомат. Находился он там же, где и штаб Красной Армии, на проспекте Карла Маркса, в казармах Московского полка.

Райвоенкомат гудел как пчелиный улей. Встретил Кондратьев и знакомых по союзу, и парней с заводов, где не раз бывал.

И вот стоит Кондратьев перед военкомом. Как на параде — грудь колесом, плечи расправлены, строен, подтянут — ведь надо же на военкома впечатление произвести.

— Так в чём дело, дорогой товарищ? — интересуется военком.

— Желая вступить добровольцем в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии.

— Дело хорошее... Бойцы нашей армии сейчас очень нужны...

Допытывается военком, где работает Саша, где живёт.

— Всё ясно, товарищ Кондратьев. Давайте ваши документы, и мы вас быстро оформим. Завтра вечером эшелон уходит на Москву.

Достаёт Саша метрику, протягивает комиссару. Тот читает и начинает писать на листочке: «Записать Кондратьева Александра Александровича...» и вдруг поднял ручку:

— Постой, постой, дружище, тебе же нет ещё восемнадцати... Не могу, не имею права, — и возвращает метрику Саше.

— Не хватает нескольких месяцев, это же не в счёт...

— Нет, никак нельзя... — отвечает комиссар.

— Так ведь я же коммунист, а сегодня место коммуниста на фронте, — пытается убедить Саша военкома.

— Место коммуниста там, где его ставит партия. А здесь у нас, думаешь, не фронт... Фронт, да ещё какой.

Пошёл понурый Кондратьев на Симбирскую, 22 (теперь это улица Комсомола). Здесь находился тогда Совдеп Выборгского района. В конце концов добрался до секретаря Выборгского райкома партии Петра Алексеева.

— С чем пожаловал?

— Жаловаться пришёл.

— Что, какую-нибудь контру опять обнаружил или спекулянтское гнездо накрыл? На кого жаловаться?

— На районного военного комиссара. Нет, он не контра, но формалист... Параграф с закорючкой, а не человек. Несколько месяцев подарить мне не может.

— Постой, Расскажи толком, в чём дело?

Рассказал Саша Кондратьев в точности, какой у него конфликт произошёл с военкомом.

— Ты это зря... Запрещается брать людей, которым не исполнилось восемнадцати.

— Эх, товарищ секретарь, выходит, что и вы с военкомом заодно. Ведь вы мне недавно партби-

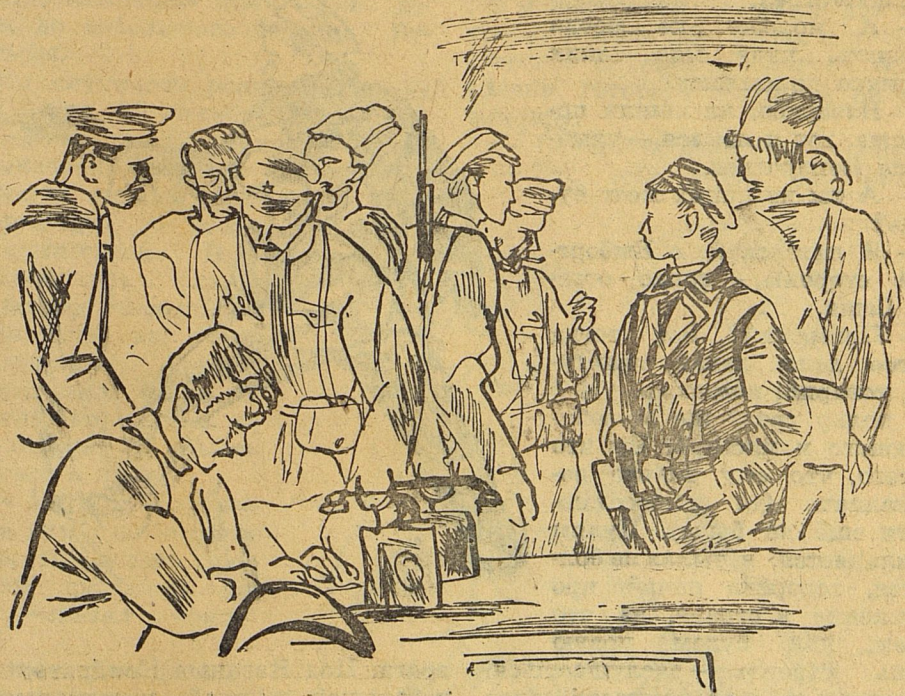
лет вручали. Я хоть молодой, а коммунист. Для коммуниста, по моему, не должно быть никаких лет. Что семнадцать, что тридцать, что пятьдесят, всё равно он уже солдат партии. Вот я уже и есть такой солдат, а вы мне нескольких месяцев не досчитываете до восемнадцати.

Петр Алексеев чувствует, что с этим парнем не так легко сладить. Взглянул на него и подумал — ведь не жил ещё на свете, а в бой рвётся, жалко парнишку, убьют. И твёрдо сказал Кондратьеву:

— Зачисли ты его, а то он тут весь райком разнесёт, — засмеялся Пётр Алексеев. И, обращаясь к Саше, сказал: — Иди, вояка, мало тебе работы в районе у нас, на фронт захотелось...

Но последних слов Кондратьев уже не слышал. С лестницы сплетелся как на крыльях, народ шаркался от него, как от ошалелого.

...Медленно тянется эшелон к Москве. Топлива мало. Дороги в полуразрушенном состоянии. В столице Саше Кондратьеву надо явиться в Реввоенсовет республики. Здесь назначают кого куда.

— Придёт время, и пошлём. А сейчас нельзя.

Народу у секретаря набралось много. Времени в обрез. А Саша не уходит, опять за своё.

— Ты что меня атакуешь без конца, ведь я не беляк какой, мне работать надо...

— Понимаю, вот и позвоните военному, чтобы зачислил...

В конце концов секретарь сдался. Позвонил комиссару.

Кого на Восточный, кого на Южный фронт...

Саше было безразлично куда, лишь бы скорее на фронт. И никак не думал, что опять с проклятыми годами осечка выйдет. А в Реввоенсовете посмотрели — нет восемнадцати. Хотели отправить назад, в Питер.

И опять начал свои «атаки» парень с Выборгской стороны.

— Ладно, раз зачислили, так

и быть. Но на фронт подождём тебя посылать. Вот тут в штабе ЧОН (части особого назначения) будешь служить.

— Товарищ комиссар, я не служить, а воевать хочу.

И Кондратьев победил. Поговорили с ним, присмотрелись, — видят, политически зрелый, хоть и молодой, рабочий, коммунист. Получил он назначение — комиссаром 235-го Невельского полка.

В тот же вечер юный комиссар направился на Восточный фронт. Явился к командиру полка, вручает документы. Оглядел командир полка своего комиссара с головы до ног, ещё и ещё раз посмотрел.

— А моложе не могли прислать, куда мне таких стариков присылают?

— Наверное, не нашли помоложе, вот и явился, — улыбнулся Кондратьев.

— А ты из каких мест будешь?

— Я питерский, с Выборгской стороны, — гордо ответил Саша.

— Питерский? Вот тогда другое дело, давай приступай, товарищ комиссар.

В полку сразу же полюбили юного комиссара. Ну что из того, что ему только восемнадцать (да и восемнадцати ещё не было). Пулям не кланяется, в тылах не болтается, говорить начнёт про положение в стране, за что воюем, как будем новую жизнь строить, — заслушаешься. За несколько дней комиссар успел побывать во всех ротах.

Полк был на отдыхе. Позвал командир своего комиссара чай пить.

— Через несколько дней в бой пойдём. С оружием у нас не очень-то ладно, но воевать будем...

— Оружие у беляков достанем, — ответил Кондратьев.

Сказал и вспомнил о давней мечте своей — маузере.

— А маузеры трофейные попадают? — спросил он.

— Тебе что, маузер требуется? Могу снабдить...

Позвал командир ординарца и послал его куда-то с запиской. Вскоре юный комиссар уже шагал с маузером в деревянной кобуре.

А несколько дней спустя полк вступил в соприкосновение с белогвардейцами. Бой за боем, стычка за стычкой. Вот когда восемнадцатилетний комиссар показал себя. Знал он, что бойцы смотрят на него, равняются, берут пример. Вот почему, если искали комиссара, то всегда на передовой. Не раз он с разведчиками ходил в тыл

врага. Под Казанью Кондратьев с небольшой группой красноармейцев просочился сквозь линию фронта и накрыл вражеский дозор. Бесшумно подобрался, перебили беляков и, захватив новенький «максим» с запасом лент, несколько винтовок, возвратились к своим.

— Ты, браток, потише, — сказал ему командир полка. — Ведь так я могу и без комиссара оказаться.

— Я замороженный, — улыбнулся Кондратьев.

Пули, казалось, обходили Сашу. Но одна белоказачья пуля всё-таки чиркнула «заворожённого». Хотели в госпиталь отправить — отказался наотрез.

— На ходу скорей заживёт...

Полк с успехом продвигался на юго-восток. Комиссар уже забыл о ране. Наступил октябрь с его ненастьем, непроходимой, липкой грязью, непрерывными дождями. Солдатские шинели и портянки не просыхали. Тяжело было, а воевать надо... В коротком письме отцу Саша писал: «...некогда, идём дальше душить белогвардейскую нечисть».

Шёл вперёд 235-й Невельский, «непросыхаемый» полк. Так дошли до небольшого городка Бугульмы.

Это случилось ровно пятьдесят лет назад, 10 октября 1918 года. Во время наступления большой белоказачий отряд неожиданно

окружил группу красноармейцев во главе с комиссаром. Прорваться бы сквозь вражеское кольцо, да силы были уж очень неравными. Группа Кондратьева была обречена, но никому не приходила мысль сдаться в плен.

— Нет уж, если выпала нам судьба погибать, так жизнь свою будем продавать дорого, — сказал комиссар.

Лицо Кондратьева было удивительно спокойным. Бойцы расположились кольцом и вели редкий огонь по наступавшим белоказачам. Патронов оставалось мало. Если стреляли, то уж наверняка.

Почти вся группа красноармейцев была перебита. В маленькой ложбинке под ветвями затаился раненый

боец. Его не заметили, и он чудом остался жив. Он-то и рассказал позднее о последних минутах жизни и смерти восемнадцатилетнего комиссара.

Саша Кондратьев лежал за бугорком и время от времени стрелял. Он услышал чьё-то приказание:

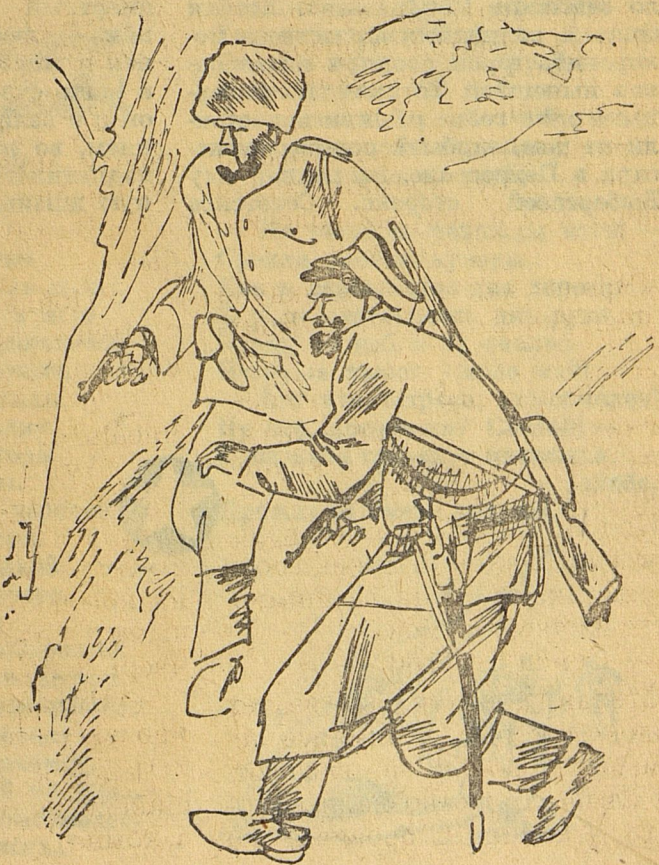
— Этого паценка не убивать, взять живым...

Три, всего лишь три патрона оставалось в маузере. Мало, очень мало осталось тебе жить, комиссар с Выборгской стороны. Не дни и не часы, — теперь счёт минутам.

Казачи уже совсем рядом, подлезают с фланга. Развернулся Саша и выстрелил. Осталось два патрона, только два. Снова с правой стороны поднялась фигура белоказака, готового прыгнуть на комиссара.

— Сдавайся, дело твоё — каюк!

— Это тебе каюк, на, полу-

чай, — и снова выстрелил Кондратьев. Уложил ещё одного.

Чувствуют беляки, что кончились патроны. Лезут чуть ли не в открытую. Поднялись в рост, орут:

— Сдавайся, а то в крошево изрубим!

И тут поднялся юный комиссар. Стоит и с ненавистью смотрит на своих врагов. Они ждут, что он бросит оружие и поднимет руки вверх. А комиссар кричит им в ответ:

— Коммунисты не сдаются!

И грохочет в последний раз заветный маузер. Последнюю пулю Саша направил в себя...

Когда в полку узнали о гибели группы Кондратьева, решено было во что бы то ни стало разыскать тело комиссара. Нашли его лежащим лицом кверху, глаза будто глядели в серое осеннее небо...

Было в Невельском полку немало земляков Кондратьева. Хотели было с воинскими почестями похоронить героя в одном из городков нынешней Татарии, но питерцы в один голос решили и настояли на том, чтобы хоронить комиссара в Петрограде, на родной ему Выборгской стороне. Советское

правительство учредило тогда революционный орден Красного Знамени. И этой высокой наградой молодая Советская Республика одним из первых удостоила посмертно своего геройски погибшего сына.

У раскрытой могилы звучали речи... Выступали старые партии, звучали голоса молодых членов Коммунистического союза молодёжи. Этот союз родился через 19 дней после гибели Саши Кондратьева. Один из комсомольцев Выборгской стороны, заканчивая свою прощальную речь, воскликнул:

— Комиссар погиб, да здравствует комиссар!

И ведь верно, — жив Саша Кондратьев. Хотите увидеть его? Сходите в сквер на Свердловскую набережную, и перед вами предстанет высокий монумент. На пьедестале, как живой, стоит бессмертный юный комиссар. На нём — любимая кожанка, портупея и маузер. Взгляд его обращён в наше счастливое время, смотрит он и в великое Будущее, в Коммунизм, во имя которого он, восемнадцатилетний, отдал свою славную жизнь.

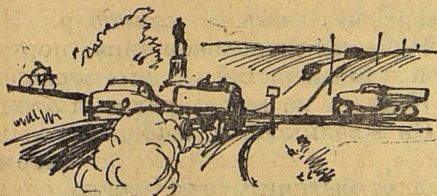

БЕЗЫМЯННЫЙ КОМСОМОЛЕЦ

I

Рассветный ветер свеж
и хлёсток —
Он пьёт росу, пригнув траву.
Четырёхкрылый перекрёсток
Взлететь не может в синеву.
Никто из птиц в тиши беспечной
Его не сманит за собой,
Ведь он прирос к земле навечно
Своей особою судьбой.

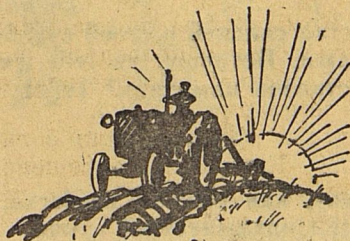

Через него бегут машины
Да так, что следом пыль кипит,
Как в крепость, бьют в него
дождины,

Гремят подковы ста копыт,
Проходят мерно пешеходы,
Всегда своих забаст полны.
А годы? Не сутулят годы
Его асфальтовой спины.
И я на нём встречал нередко
Льняной туман и вечера.
У перекрёстка за беседкой
Поставлен памятник вчера.
Плечистый бронзовый

подросток

Под небом встал на пьедестал.
Ты подскажи мне, перекрёсток:
Его я раньше не встречал?
Такой знакомый незнакомец,
Такой простой, родной на вид...
Он — Безымянный Комсомолец.
Так надпись алая гласит...

II

Для торжества весенних знаков
Блестит за плугом чернозём!
Ты, тракторист Петруша Дьяков,
Сидишь с рассвета за рулём
Да напеваешь без печали
Про волжский глыбчатый утёс...
Позавчера тебя страшали:
— Брось трактор свой,

молокосос!

— Не унесёшь однажды ноги! —
Сулили злобно кулаки...
Как в перекрёстке две дороги,
В руле скрестились две руки.
Вдали от изб и от околиц
Петруша пашет. Скоро май!
— Вот это встреча, комсомолец!
Ну что, доездили? Слезай! —
В людских глазах — медвежья

злоба,

Дрожат от смеха кадыки.

— Теперь не выглянешь
из гроба! —
Связали Петю кулаки.
— Пусть порывает мать
над сыном!
Ты станешь пеплом для земли! —
Облили Петю керосином
И подожгли. Затем — ушли.
И запылало пламя мощно,
Петрушу сжало, как змея.
Он по земле катался молча
И пламя сбил. Спасла земля.
Он к людям полз — дополз
до цели
И стал сильнее в своей судьбе!
Скажи, Петруша, не тебе ли
Поставлен памятник? Тебе!

III

Траву, как свежая известка,
Белил нахлынувший туман.
Невдалеке от перекрёстка
Вели фашисты партизан.
К пруду, зелёному от ряски,
Которая всю цвела,
В тот час расстрела
для острастки
Согнали жителей села.
И каждый слышал, каждый
видел,
Как возле холмиков могил
Хвалился Прохор:
— Я их выдал,
Семь тысяч марок получил! —
Он ухмылялся нагло:
— Семь тысяч — счастье
мужику! —
Но — взмах! Плечистый сын
лопатою
Отца ударил по виску.

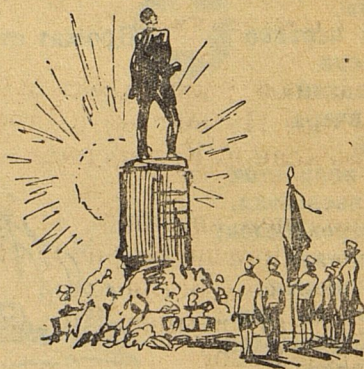

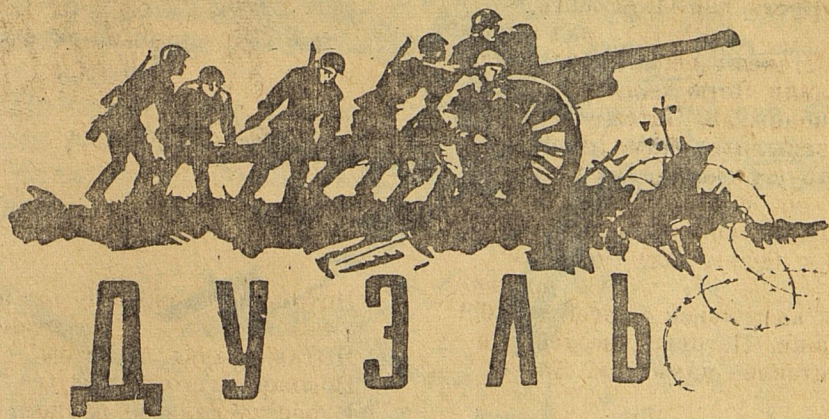
Потом был дождь. В тот вечер
мглистый
Пытали парня. А потом
Поволокли его фашисты
И расстреляли за прудом.
И ночью люди не уснули,
Шептались, вглядываясь в тьму.
Скажите, люди, не ему ли
Поставлен памятник? Ему!

IV

Как неуёмный колоколец,
Распелся жаворонок вдруг!
Но Безымянный Комсомолец
Поднять не может сильных рук...
Он жизнь любил, любил без
меры,
И не был пасынком земли...
К нему сегодня пионеры
Цветы живые принесли.
Плечистый Пахарь, славный
Ратник,
Тебе на стыке двух дорог —
Венки цветов, венки из радуг,
И нашей памяти венок!

Рисунки В. Орлова

ГРОХОЧЕТ война. Идут бои от Белого до Чёрного моря. Сражаются — армия на армию, дивизия на дивизию, полк на полк. А в грохоте орудий, в разрывах бомб, трескотне пулемётов кто-то сражается один на один: снайпер со снайпером, танк с танком, пушка с пушкой. И здесь уж проверяется: у кого нервы крепче, выше мужество, больше воинского мастерства.

Тяжёлые это были дни. Просёлочные дороги заполнены беженцами, пылают деревни, воют в небе вражеские самолёты. И каждый день строгие, суровые строки коротких сообщений с фронта:

«От Советского Информбюро. 5 июля. Вечернее сообщение.

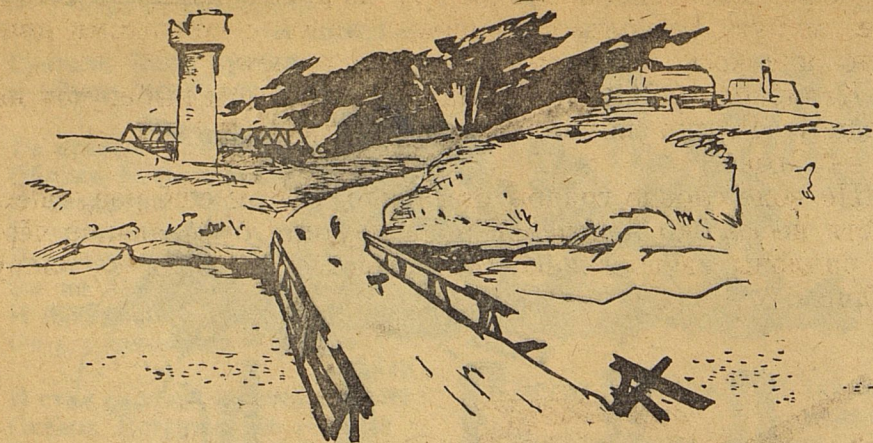
...На Борисовском направлении развернулись ожесточённые бои, в ходе которых наши войска переходили в контратаки. Противник несёт большие потери от нашего артогня, ударов авиации и танков...»

Именно там, на Борисовском направлении, и произошёл случай, о котором я хочу рассказать.

ДЛИННОЙ колонной растянулись наши войска по шоссе Минск — Москва. На восток, в сторону Орши, отходил и помкомвзвода Александр Калиберда — командир 76-миллиметрового орудия.

Приказ был получен внезапно. Прямо на шоссе командующий артиллерией дивизии остановил Калиберду.

— Со своим орудием останетесь здесь. Задача: во что бы то ни стало задержать немцев. Ни один гитлеровец не должен вступить на мост. Ясно?

Александр отдал честь и уже собирался идти к пушке, но командующий каким-то другим, непривычным взглядом остановил его:

— Надеюсь на тебя. Я ведь неспроста именно ваше оружие выбрал.

Александр смущённо промолчал. Наверное, командующий запомнил его ещё по довоенным маршальским стрельбам, где комсомольский расчёт помкомвзвода Калиберды несколько раз выходил победителем. Теперь предстояло проверить на деле своё умение стрелять...

Колонна двигалась дальше на восток, а 76-миллиметровая пушка плавно съехала на солдатских руках с насыпи и встала на удобной позиции, откуда хорошо просматривалось шоссе, дугой выбегающее с моста через Березину.

Пушку замаскировали. Огляделись: ближний, свой берег — низкий; по обе стороны шоссе — болотистая луговина, по которой не проехать. Дальний берег — высокий. Хорошо виден спуск к мосту, идущий из-за холма. Против холма на той стороне — городские постройки: водонапорная башня, амбары — оттуда враг будет вести прицельный огонь...

Шоссе опустело. Артиллеристы остались совсем одни, если не считать взвода стрелков, предназначенного для прикрытия.

Тишина стояла недолго. Вскоре донёсся треск лёгких моторов и из-за бугра к мосту вылетели мотоциклы с колясками. Они неслись прямо на мост, не замечая пушки. А когда заметили — было уже поздно. Четыре беглых снаряда картечью в упор — и мотоциклы словно смело. Только пылали прозрачными языками пламени лужицы бензина.

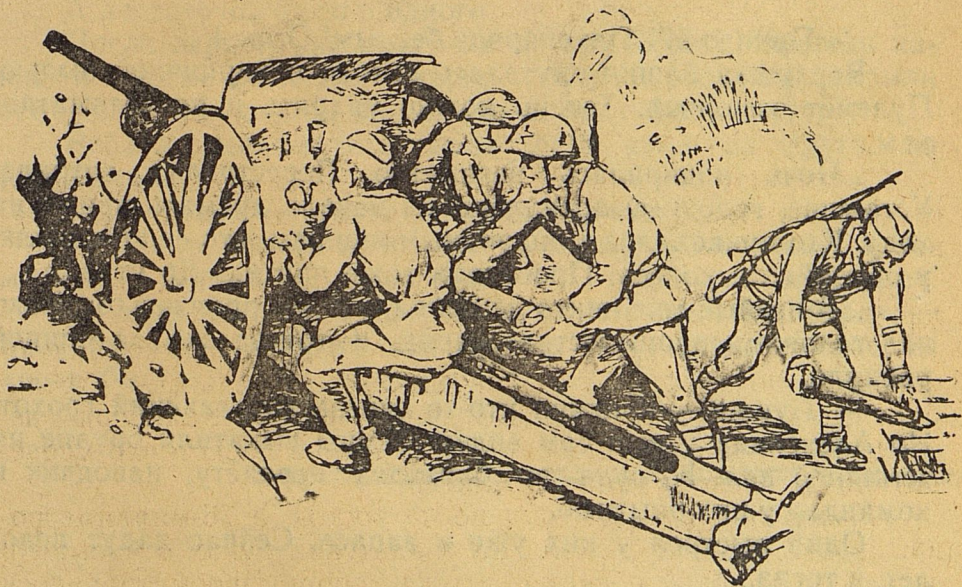
То же повторилось и с группой автоматчиков, пытавшихся пробиться к мосту. Все остались лежать на предмостном спуске.

Возле амбаров на том берегу началась какая-то суета. Через минуту несколько резиновых лодок с солдатами двинулись наискось, сносимые быстрым течением.

Калиберда не спешил — ждал, пока немцы выберутся на середину. И тогда скомандовал:

— Огонь!

По воде словно градом стегануло. Потом ещё раз, ещё... Спустя несколько мгновений вода крутила булькающие чёрные баллоны да последние гитлеровцы стаскивали на плаву мундиры.

Александр прислушался: не идут ли танки? Гул моторов слышался, но пока далеко. У танков — скорострельные пушки. Если промедлишь — расстреляют орудие. Но если первый танк пропустить на мост и подбить — он закроет путь остальным. Вот задача!

Ход мыслей прервал крик:

— Ложись!

Над головами прошла очередь крупнокалиберного пулемёта. Только ветки посыпались. Калиберда огляделся: с водонапорной башни... Бьют, прикрывая своих автоматчиков, пробирающихся к мосту. Что делать? Надо заставить расчёт подняться. Если лежать — браг выиграет время.

— По водонапорной башне! Фугасным! Прицел 28! Огонь!

Перелёт.

Повторил команду. Только прицел уже — 26. Недолёт. Цель оказалась посередине. Это и называется «вилкой». Теперь разница делится пополам и:

◆ 400 раз вставали навстречу шквалу свинца воины, повторив подвиг Александра Матросова. Около ста раз славные соколы по примеру Николая Гастелло бросали свои горящие машины на фашистские полчища.

◆ В дни Великой Отечественной войны орденами и медалями Советского Союза награждено свыше трёх с половиной миллионов комсомольцев, в том числе свыше ста тысяч девушек. Семи тысячам комсомольцев и воспитанникам комсомола (среди них 66 девушкам) было присвоено звание Героя Советского Союза.

— Прицел 27! Три снаряда беглым! Огонь!

Верхушка башни окуталась дымом и кирпичной пылью. Пулемёт замолчал. Теперь можно ударить и по автоматчикам.

...Ночь подкралась незаметно. Перестрелка затихла. Уставшие, голодные артиллеристы начали дремать прямо на ходу. Кто привалился к снарядным ящикам, кто сел на землю у орудийного колеса. Противник тоже притих. До утра...

...В первый миг никто не понял, что же произошло: низко над головами прошелестел снаряд, и тотчас же за спиной рвануло.

— Пушка! — крикнул кто-то сквозь затихающий грохот. Но Александр уже и сам видел: немцы выкатили орудие на земляной вал. И, судя по близкому перелёту, наводчик и командир у них опытные.

Один выстрел у них уже в запасе. Сейчас дадут недолёт, и тогда...

Наверное, Калиберда даже не успел этого подумать. Просто бросился к орудию, сел на место наводчика. У немцев один выстрел уже есть! Они впереди!

Отрывисто лязгнул замок. Это заряжающий, не дожидаясь приказа, дослал снаряд.

Александр кажется — вечность прошла, пока он вращал маховики. Немцы на выстрел впереди! Вот-вот над их орудием снова распухнет белый дымок...

— Огонь!

Недолёт. Снаряд лёг ниже — в подошву земляного вала.

И в это же мгновение — белый дымок. Шагах в сорока перед нашей пушкой взметнулся фонтан коричневой грязи. Перелёт был, теперь был недолёт. Вилка! Очень узкая вилка! Врагу осталось только перезарядить орудие...

Снова лязгает замок. Это расчёт молча, без единого слова команды выполняет своё дело. Очередь за командиром. А командир решает необыкновенно трудную задачу. Когда-то она у него получалась: попадание со второго выстрела. Без привычной вилки. Недаром же он считался отличником мар-

шальских стрельб и расчёт его орудия был известен на весь Белорусский военный округ.

Мгновения, в которые Александр высчитывал поправку, казались часами. Немцам уже пора давать беглый огонь. Но они что-то долго возятся у орудия. А может, именно в это мгновение уже подадут в ствол снаряд?..

Калиберда вводит поправку прямо по первому разрыву. Это значит — стрелять не на перелёт, а прямо по цели — на поражение.

— Три снаряда беглым! Огонь!

А достаточно было и одного.

После первого же выстрела на том берегу взлетели какие-то тёмные лоскутья. Второй и третий разрывы закрыли всё. Когда они опали, на земляном валу было чисто.

Ребята выпрямились, посмотрели друг на друга, на командира...

— Перекур! — устало скомандовал он.

— Жаль, комбат не видел! — улыбнулся замковый. И замолчал. — А если бы не со второго? — тревожно спросил он.

— Если бы... если бы... — пожал плечами Калиберда. — Если бы не учились мы как следует — вот тогда и было бы «если бы»!

Мих. САДОВСКИЙ

ПАМЯТЬ

*Совсем неприметную с виду,
В деревне,
На тропке лесной
Ты встретишь порой
Пирамиду
С горячею красной звездой.
Раскаты «ура» отгремели,
От взрывов
Земля не дрожит,
И, нежно припав к пирамиде,*

*Букетик неброский лежит.
Ты знай —
Это память живая
Стоит на посту
 перед тобой,
И здесь,
 ни на час,
Ни на час
 не смолкая,
Ещё продолжается бой.*

ВСТУПЛЕНИЕ В ФАКТАХ

Николай Сядристый из Ужгорода изготовил: книгу, площадь которой равна 0,6 квадратного миллиметра; скрипку длиной 3,45 миллиметра, которая экспонировалась на Всемирной выставке в Монреале; медицинские микроинструменты, спасшие жизнь многим людям; электромотор, величина которого — одна десятая кубического миллиметра; золотой замок, видимый только в совершенный микроскоп, и сотни других удивительных шедевров.

Николай Сядристый, член Ужгородского обкома ВЛКСМ, агроном, учёный, повторил опыт тульского Левши и подковал блоху. В изготовлении миниатюрных предметов в мире нет ему равных.

СКОРАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ

«Комсомольская правда» сообщила:

В клинику, где работала кандидат медицинских наук И. Хмельченко, был доставлен ребёнок с инородным телом в лёгком. Ему грозила смерть. Врачи не могли ничего сделать. В их распо-

ряжении лишь инструменты, рассчитанные на взрослых людей, а нужен малюсенький экстрактор. Тогда можно было бы попытаться удалить из лёгкого малыша инородное тело. Иначе выход один — удалить лёгкое.

Врачи изложили суть дела в телеграмме и отправили её из Иркутска в один из санаториев Молдавии, где отдыхала Хмельченко. Товарищи по работе просили совета. А что она могла им ответить? Далеко берег Днестра от Иркутска. И тогда Хмельченко вспомнила, что читала в «Комсомолке» о Сядристом. Может быть, он поможет? Кажется, живёт в Ужгороде. Надо попробовать.

«Ужгород. Николаю Сядристу». По такому адресу врач отправила телеграмму. Несколько часов жизнь мальчонки из Иркутска была в руках закарпатских почтальонов. И они нашли агронома. Тот не раздумывал, когда прочитал взволнованные строчки: «Если вы сможете уменьшить инстру-

мент и захотите с ним возиться, то я прерву мой отпуск и прилечу в Ужгород».

Ответ был лаконичен: «Инструмент будет сделан. Сядристый». И вот Ираида

Петровна Хмельченко на квартире умельца чертит эскиз экстрактора. Проходит день, ночь... Утром инструмент нужного размера был готов.

Остаётся добавить, что операция прошла в Иркутске успешно.

ДОЛЖНОСТЬ—ВОЛШЕБНИК

Над Киевом доброе солнце. И небо, прозрачное, как капля росы, широкое, знакомое с детства, и в комнате нас только двое.

Тихо тикают часы, и я смотрю на чистый листок белой бумаги и ничего не вижу. Протираю глаза — и снова белизна, и лишь едва заметная точка. А Николай улыбается и не спешит с объяснением.

Я сказал:

— Здесь ничего нет. Чистая бумага...

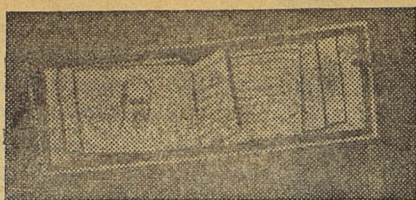
Николай осторожно приподнял листок и положил его под микроскоп. Навёл резкость и пригласил меня заглянуть в окуляр.

На белом, как снежная равнина, фоне лежит книга. Обложка багряная. Отчётливо вижу нарисованный портрет Тараса Шевченко, хату, где родился Кобзарь, на крохотных листках, сшитых паутиной, стихи.

Читаю Шевченко: «Садок vyšневый коло хаты»...

Несмотря на микроскопическую величину «Кобзаря», в тексте нет ни одного переноса. А самая длинная строчка: «Реве та стогне Дніпр широкий», где двадцать четыре буквы, всего лишь в 0,85 миллиметра.

Известна знаменитая древнеармянская книга-гигант. Для её изготовления потребовалось около семисот шкур телят, и весит она более двух пудов. А в Японии созда-

на миниатюрная книга размером в 2,8×4 миллиметра...

Но «Кобзарь» украинского мастера Сядристого в 19 раз меньше японского шедевра. В маковом зерне можно уместить три экземпляра.

Беру фотоаппарат. Хочу попытаться сделать снимок. Но ни один современный фотообъектив не сможет запечатлеть эту книгу.

А чудеса продолжают. Под микроскопом ещё одна тёмная точка. Вижу в окуляр блоху: на кончиках её ножек поблескивает металл — подковки!

— Как пришла мысль подковать блоху?

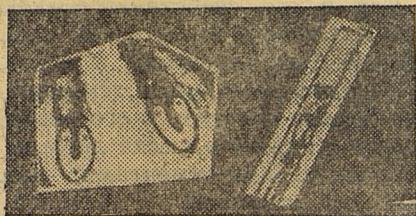
— Ещё в институте. В одном из журналов товарищи прочитали, что армянский умелец Казарян на волоске длиной в сантиметр сделал в подарок немецким друзьям надпись: «Да здравствует дружба между немецким и армянским народами!» Тогда мои однокурсники не поверили этому. Я решил попытаться счастья. Было это под Новый год, и захотелось как-нибудь пооригинальнее поздравить ребят. Выбрал волос длиной всего лишь в 80 микрон. Написал: «С Новым годом поздравляю вас, товарищи». И на том же волоске, но уже на торце, дописал: «Миру—мир».

Это самая тонкая надпись в мире, сделанная рукой человека.

— Ну а блоха?

— Да. Блоха... Кто-то из студентов тогда пошутил: «Может, и блоху подкуёшь?»

— Можно и блоху, — ответил я. — Самым трудным оказалось раздобыть блоху. Помогла мне кафедра паразитологии одного из институтов. Нелегко оказалось и инструменты подобрать, наковальни. Ведь всё должно быть как в кузнице, но только в микроскопических разме-

◆ Только осенью 1943 года на территории, временно оккупированной фашистскими захватчиками, действовало 1780 подпольных комсомольских организаций. 60 процентов партизанских отрядов составляли комсомольцы и молодёжь.

◆ Более 10 миллионов юношей и девушек прошли по местам героической славы советского народа. Юные следопыты открыли немало новых страниц героической летописи, создали 60 000 музеев, комнат и уголков славы, установили свыше 15 000 памятников, обелисков, мемориальных досок.

рах. Из чистой рафинированной меди вырезал ленточку в десять раз тоньше человеческого волоса. Это была заготовка для подковаков. Закрепил её на наковальне и... начал ковать. Заклёпки были ещё тоньше — в шесть микрон. Ну... и подковал...

Николай вышел из мастерской, а я остался один. На столе микроскопы, линзы, иголки, пинцеты, резцы, кисти, краски... Рабочий беспорядок, понятный лишь мастеру.

И я решился. Взял тонкую медную пластинку, положил её под микроскоп, навёл резкость и иголкой, через оптику, решил написать букву «В».

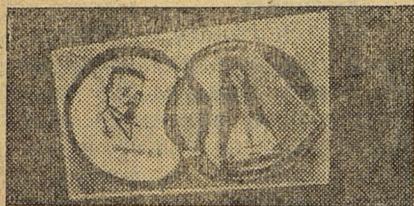
Затаил дыхание. Но увеличенная в сотни раз игла, вдруг задрожав, начала прыгать, и вместо знакомой с детства буквы появилось что-то, похожее на каракули.

Перевёл дыхание — и снова неверное движение иглы...

Я попросил Николая Григорьевича исправить мои каракули. Он согласился.

— Смотри, — сказал он мне.

Я заглянул в микроскоп: буквы ровные, чёткие. Твёрдая рука у человека. Любой снайпер может позавидовать.

Умелые руки у человека. Руки, творящие чудеса.

Коллектив Киевского института сверхтвёрдых материалов, где создаётся искусственный алмаз, пригласил талантливого мастера к себе.

ПЕРВЫЙ ШАГ К НЕИЗВЕСТНОМУ

Шёл 1945 год. Девятилетний мальчик по имени Коля Сядристый разряжал мины, бомбы, патроны, гранаты, снаряды. Он находил их на окраине села, в подземных складах, брошенных фашистами. Коля осторожно извлекал их оттуда, заворачивал в тряпку и уходил в поле. И всегда один, без помощников. Не хотел подвергать опасности ребят из села.

В поле, вдаль от людей, он тщательно изучал страшное оружие, разряжал его. И когда взрыватель был извлечён, начиналось самое главное. В одной руке взрыватель, в другой — иголка. Медленные, осторожные движения. Кончик иглы скользит по тонкому слою краски, соскабливает её, обнажая гремучую ртуть. Мальчик знал: если иголка коснётся взрывчатки, последует взрыв. Но если соскоблить краску и облить гремучую ртуть керосином, взрыватель обезвредится.

Как и его сверстники, мальчик играл в войну. Но играл по-своему. Сурово. Как взрослый.

Мальчик был худ, с тёмными задумчивыми глазами. В его портфеле вместе с книгами всегда лежала коробочка с инструментами: ножик, отвёртка, иголка и бутылочка с ке-

росином. Иногда в селе он слышал взрывы. Это на минах подрывались люди, и когда по улице везли пострадавшего, мальчик сжимал кулаки и снова шёл навстречу неизвестному. Это была его тайна. Никто не знал о ней. Сотни мин, снарядов, бомб и патронов разрядил Коля Сядристый.

Но однажды люди узнали — взрывом ему повредило руку.

Директор школы серьёзно разговаривал с мальчиком.

— Ты что, смерть по оврагам ищешь?

А Коля смотрел куда-то в сторону, в раскрытое окно. Там, в глубоких тайниках, лежат серые, похожие на панцири старых черепах фашистские мины...

И мальчик продолжал опасное занятие. Он научился точно рассчитывать каждое движение пальцев, научился выдержке и хладнокровию. А однажды вместе со своим другом он за один день обезвредил 50 снарядов.

В те послевоенные годы в селе, где жил Коля Сядристый, не было электричества. Но в его хате было светло. Сооружённый им мощный ветряк вращал генератор. Это была первая электростанция на селе.

РУКИ МОГУТ СОЗДАТЬ ВСЁ

Сядристый показал мне несколько своих миниатюр. Две половинки макового зерна соединены крохотными петельками из золота — маленькое зерно напоминает шка тулку. А внутри, на одной половине, портрет балалаечника В. Андреева, а на другой — вмонтирована балалаечка. Музыкальный инструмент собран из сорока деревянных деталей. Внутри него, как в настоящей балалайке, пустота.

Балалайка тоньше человеческого волоса. Когда мастер изготовил музыкальный инструмент, он не мог раздобыть струны. Ведь обычный волосок рядом с балалайкой выглядел бревном, а одна натянутая паутинка могла бы согнуть её в дугу. Ни одна нитка современной тка-

ни не имеет такого тонкого волокна, из которого бы можно было изготовить струны. И мастер сделал их сам, вручную, из пластмассы.

Сядристый не только тончайший мастер, но и художник-миниатюрист. У него целая галерея художественных портретов. На одном из зёрен я увидел портрет Хемингуэя.

Прежде чем написать его, Николай изучил десятки фотографий. Писатель изображён в белой, с расстёгнутым воротом рубашке, у него взгляд мудрого, познавшего жизнь человека.

У Сядристого своя манера живописи, своя тайна изготовления красок.

В мастерской Сядристого длинный ряд футляров из пластмассы. В тонкие стенки вмонтированы оптические трубки из-под микроскопов. Одним концом они выходят наружу, другим слегка касаются белых пластинок с едва заметными пылинками.

— На Всемирную выставку в Монреаль, — пояснил Николай.

Смотрю в окуляр. Пылинка превращается в электромотор. Нажимаю кнопку — и мотор вдруг начал работать. Отчётливо вижу, как вращается диск. Ну, прямо фантазия! Это самый маленький мотор в мире. Он в сто раз меньше макового зерна.

Спрашиваю Николая:

— И долго он может работать?

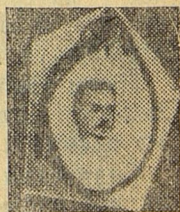
— Столетия. Мотор не имеет веса. Он в невесомости. У него нет опоры. Это пылинка...

— А мощность? Сколько лошадиных сил?

— Любое насекомое может его остановить.

Между тем полезность такого мотора огромна, особенно для медицины.

Микромир Сядристого понятен и до-

- ◆ За последние годы более 150 решений правительства и других организаций по труду, образованию, досугу молодёжи были приняты по предложению ВЛКСМ.
- ◆ Два с половиной миллиона своих лучших воспитанников передал комсомол за полвека в ряды Коммунистической партии.
- ◆ Шестьдесят воспитанников Ленинского комсомола удостоены звания дважды Героя Советского Союза.

ступен не только ему одному. Сквозь призму линз он открывается людям во всей его красоте, и тот, кто однажды заглянул в него, не останется равнодушным. Буквы, рисунки, написанные мастером, измеряются микронами.

Николай охотно поясняет:

— Всегда хочется превзойти то, что уже сделано. Мне нравится процесс творчества и постоянных находок. Любая работа, если у неё есть хоть доля поиска, уже интересна. Но когда она сделана, начинаются новые поиски. Мне нравится создавать мельчайшие детали, которые просматриваются лишь под микроскопом. Для меня всё, что видимо глазами, — это уже не тонкое. Рисовые зёрна — грубый материал. Когда его рассматриваешь, можно угадать, что лежит перед тобой. Но маковое зерно... Маковое зерно я отношу к разряду тонких. Мелкие вещи прыгучи. На них влияет всё, даже тепло моих пальцев. Однажды на рабочей пластинке диаметром в четыре сантиметра я потерял деталь от мотора. Два часа пришлось её искать. А балалайку, мой первый экземпляр, так и не нашёл. Пришлось делать другую.

— Ну, а бывает невыполнимая работа?

— Всё, что просматривается под микроскопом, можно сделать. Главное — материал. Руки могут всё создать, а материал может не выдержать...

Люди узнали о кудеснике-миниатюристе. Со всей страны идут к нему письма и телеграммы.

Сядристый не в силах ответить на все письма — так велика почта. И тогда он написал книгу «Трудно

ли подковать блоху?». В ней он раскрывает секреты своего мастерства. Делится опытом миниатюриста. О том, как просверлил волос и поместил внутрь розу. Как создал музыкальную композицию «Огинский», в которой толщина линий нотных знаков всего лишь... три микрона.

В книге подробный рассказ о том, как он создал самую крохотную в мире скрипку — копию творения гениального итальянского мастера Страдивариуса, но в тысячи раз меньше, и о том, как соорудил золотой замок, невидимый даже на белом листе бумаги. Он настолько мал, что если бы спичечная головка была пуста, в ней можно было бы спрятать... 20 тысяч таких замков, а в маковом зерне — 400. Замок работает, и к нему есть ключик...

В чём практическая ценность работы народного умельца? Николай считает, что микрорезьба — это проявление творческого дара человека, который помогает ему освоить мир невероятно малых величин. Инструменты, созданные Николаем, надёжно служат врачам и учёным.

А недавно Сядристый получил отзыв кафедры глазных болезней Архангельского медицинского института на иглодержатель: «Считаем, что представленный Вами для клинических испытаний иглодержатель удобнее всех ныне существующих. Он может быть успешно применён в широкой медицинской практике».

По заказу учёных одного из научно-исследовательских институтов Сядристый сделал в металлических деталях отворы диаметром в несколько микрон. Учёные благодарили мастера — этот «пустячок» тормовил важные научные проблемы.

В. ШКОЛЬНЫЙ

ОН впервые взлётел на самолёте в пятнадцать лет. Нет, не пассажиром — лётчиком. Многие ли сегодняшние мальчишки смогут похвастаться таким событием? А Вячеслав Кузнецов — курсант спецшколы ВВС — впервые вёл самолёт ПО-2 в пятнадцать лет! И вполне понятно: настроение у курсанта было такое, что стихи складывались сами собой. Приземлившись на аэродроме, он записал их:

*«Как хорошо в поднебесье!
Ты — человек-орёл!
Сердце слагает песни,
Песни поёт мотор!»*

Первый полёт, первые стихи... Потом их стало много у поэта-лётчика — и стихов, и полётов. Он знает небо над островом Диксон и над бухтой Тинси. Он бывал на полярных станциях СП-6 и СП-7. А названия сборников его стихов сами говорили о профессии автора: «Суровый воздух», «Чувство земли», «Я остаюсь романтиком»...

Их больше десяти — таких книжек. Последняя называется: «Молодость у костра». И тоже это название не случайное: поэту близки темы молодости, комсомола, отважных и трудолюбивых ребят. Уже не по воздуху, а по земле изъездил он в последние годы много комсомольских ударных строек: был в Братске, в Чите, в Дивногорске, Саратове, Горьком, Чебоксарах, Хабаровске.

Поэт-комсомолец Вячеслав Кузнецов стал коммунистом, но по-прежнему его стихи чаще всего обращены к комсомолу.

Вячеслав КУЗНЕЦОВ

Комсомольску- на-Амуре

Мой ровесник!
Славный мой погодок,
ты пропах и солнцем и сосной.
У тебя походка из походов,
из-под кепки —
чубчик озорной!

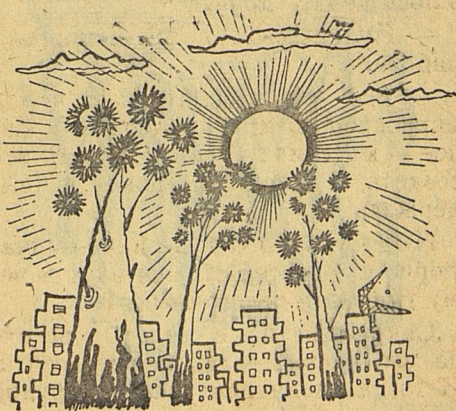
Любишь ты весёлых и отважных
с твёрдою шершавинкою губ.
Ты с рожденья —
плотник и монтажник,
каменщик, мечтатель, книголюб.

Сколько было смежных
расстояний,
гололёда,
рёва тракторов,

сколько добрых встреч
и расставаний,
целований
у речных костров!

...Наша и забота и награда,
ты не зря на юношу похож.
Так оно задумано.

Так надо:
мы стареем,
ты у нас — растёшь.

◆ В 1962—1966 годах при активном участии советской молодёжи построено 750 промышленных объектов, в том числе пущены 54 новые турбины на гидростанциях, проложено 2,5 тысячи километров новых стальных магистралей. Вокруг новых предприятий возникли 185 больших и малых городов и более 800 рабочих посёлков, средний возраст жителей которых не превышает 25 лет.

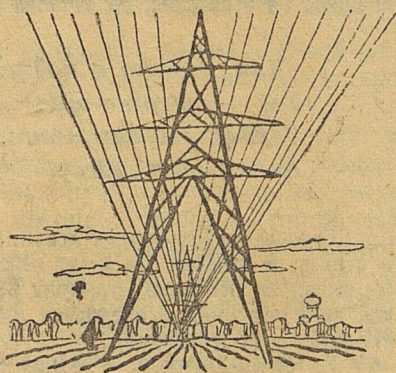

Богатыри

Каски древних русских
колоколен
в бликах нестареющей зари.
Славно потрудясь на ратном
поле,
спят, сложив мечи, богатыри.
Спят...

Но кто выводит теплоходы
в океанский сумрачный
простор?

воды,
кто творец морей, хозяин гор?
На орлиных стройках пятилетки
в развороте трудового дня
вижу я парней в рабочих
кепках,
на тебя похожих, на меня.
Сколько их, умеющих
трудиться, —
статных, крутоплечих, волевых!

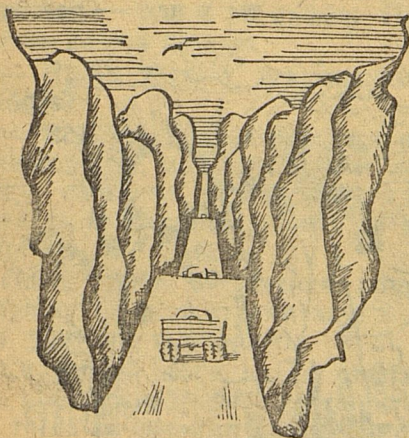

Посмотри на бронзовые лица —
 будто зори выплавили их.
 Посмотри на стройных,
 светлокосых,
 на подруг прекрасных
 посмотри!..
 Молодость,
 как золотая россыпь, —
 Родины моей богатыри.

Т р а с с а

Разрывая загустевший воздух,
застилая дрогнувшие звёзды,
клокотал разбуженный тротил!

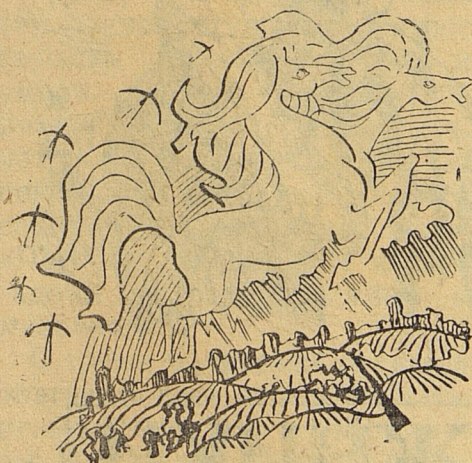
Он пугал непуганых медведей,
сотрясал тяжёлый автогрейдер
и костры на вырубках гасил.
Мы врубались в сумрачные скалы,
где пещер зубастые оскалы,
точно пасти каменной земли!..
Мы в тайгу входили, как в берлогу,
и тугую белую дорогу
в дебри непролазные вели.
Мы вели её зимой и летом.
Нелегко?..

Да только что об этом?!
Мы пробили нашу трассу в срок.
В наших жилах не огонь, а порох;
не бензин, а кровь гудит в моторах,—
Ангара лежит у наших ног!

◆ Сейчас в рядах ВЛКСМ 23 миллиона комсомольцев — десятая часть населения страны.

◆ На заре рождения комсомола только двое из тысячи имели высшее образование. Сегодня каждый второй комсомолец имеет аттестат зрелости или диплом специалиста.

◆ 400 000 комсомольцев избраны депутатами в Советы и являются полпредами молодёжи в органах Советской власти.

Палехские кони

Нет, не на фреске,
нет не на иконе,
наяву, —
над лугом, через лес

скачут, скачут по небу
алые кони
в палевые дали,
в мир чудес!
Скачут кони к Дону,
скачут к Волге,
где-то там вздыхает
рыба-кит.
А вокруг всё горки,
горки,
бирюза да синька,
мала-
ла-
хит!

Солнце перемешано
с запахами сена,
с пересвистом птичьим,
с гулом гроз...
Скачут, скачут кони!..
Розовая пена,
голубые громы по небу —
вразброс!

У лесной дороги

С холма спускается полого
в озёрную густую синь
лесная

лунная дорога —
среди берёзок и осин.
Вот камень,

плоский и шербатый,
во мху застыл, как нетопырь.
И дуб старинный,

в три обхвата,
под ним, как русский богатырь.
Их молчаливый поединок,
видать, на долгие века.
И звёзды смотрят нелюдимо,
по-крабьи прячась в облака.
Уже светает понемногу.

Деревья шепчут, вдаль маня...
...Ещё на целую дорогу
богаче станет
жизнь моя!

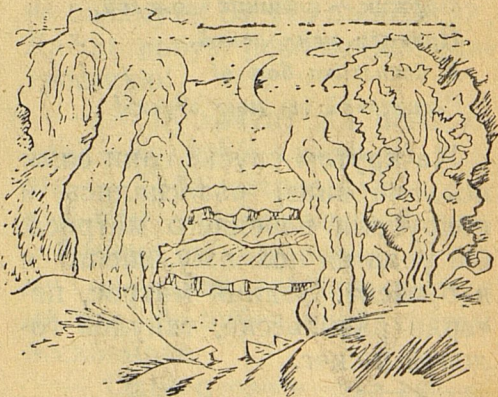
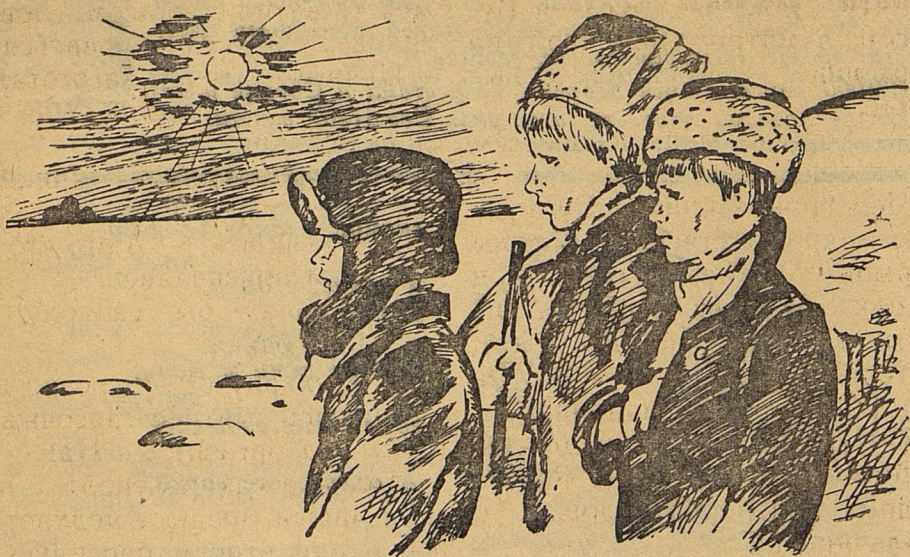

Рис. Г. Ясинского

ПОДСНЕЖНИКИ

Матросов было трое. Один тащил за верёвку большие высоко нагруженные сани, другой подталкивал их сзади, а третий сидел на самом верху покрытого брезентом груза и лихо растягивал гармонь:

*Жоржик — клёшник молодой,
Проводи меня домой.
Я чекистика боюсь!
Расплескай ты мою грусть!*

На крутом спуске сани сами поехали вниз, разогнались и подрубил переднего матроса. Он упал на поклажу, вцепился в брезент. Задний матрос, потеряв равновесие, ткнулся головой в снег.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 4 за 1968 г.

Рисунки В. Бескаравайного

Сани мчались вниз. Матрос с гармошкой хохотал на всю деревню. Потом он опять загорланил:

*По волне идёт линкор,
А на Питер — Иванмор.
Клёш по ветру хлоп да хлоп.
Всем не нашим — пулю в лоб!*

На повороте сани съехали с тропы и с треском врезались в забор двора Бугасова.

Яростно, с привизгиваньем залаял пёс.

— Будет потеха, если он дома! — усмехнулся Федька.

Калитка распахнулась. Мальчишки увидели, как Буга-

сов, грозя кулаком, захромал к саням и остановился шагах в пяти. Лаял пёс, ругался Бугасов, а матрос наяривал на гармошке и скалил белые зубы.

— Хорошо, дед, поёшь! Ох, и хорошо!

Чем громче кричал Бугасов, тем шире растягивал матрос гармонь. Бугасов сплюнул и умолк. Матрос перестал играть. Подошёл третий — тот, который упал на спуске. Он пошатывался. Вывалинная в снегу бескозырка с надписью «Петропавловск» была надета задом наперёд. Подошли и мальчишки.

С тремя матросами ругаться опасно. У всех троих бушлаты оттопырены сзади — вооружены. И Бугасов заговорил более спокойно.

— Сломали б забор — кому отвечать? Кому? — спросил он и отступил на шаг, встретившись с весёлыми от водки глазами третьего матроса.

— В России всё поломано! — икнув, мрачно изрёк тот. — А у тебя ребра целы? Одно слово — два ребра! По рукам?

Бугасов отступил ещё на несколько шагов.

— Пришвартуй его! — приказал весёлый матрос с гармошкой. — Я ему...

С неожиданным для пьяного проворством третий матрос подскочил к Бугасову и очень ловко подтолкнул его к саням. Матрос с гармошкой засунул руку под брезент и бросил сверху что-то тяжёлое, белое. Бугасов, защищая грудь, вы-

ставил руки вперёд и схватил этот белый конический предмет. Схватил с ужасом, словно гранату, готовую взорваться.

Пьяные матросы заготовали. В руках у Бугасова была головка сахара.

— Знай наших! — крикнул матрос с гармошкой и заметил мальчишек. — А это что за ракушки присосались?

— И нам бы сахарку! — сказал Федька.

— Сахарку-у? — грозно переспросил матрос, засовывая руку под брезент. — На!

Головка сахара упала у ног мальчишек. Федька подхватил её, и они втроём бросились к дому. А к саням по деревенской улице уже шли люди. Когда ребята, спрятав в конюшне сахар, вернулись, вокруг матросов толпилось человек пятнадцать. Все с жадным любопытством слушали матроса с гармошкой, который теперь не сидел, а стоял на санях. Он лупил себя в грудь кулаком и орал, как на митинге:

— Это ж до чего дожили! За жратвой с Кронштадта в Симбирск ездим! Везём на своей хребтине, чтоб с голоду не сдохнуть! За что боролись?.. Даёшь новую революцию! Матросскую!

— А не хватит ли революций? — спросил кто-то из толпы. — Тебе матросскую подавай, нам — крестьянскую, им...

Мужик не договорил. К нему от саней тяжело шагнул матрос в забелённой снегом бескозырке.

— Одно слово — два ребра! По рукам?

— По ребрам мы биты! — сказал Бугасов. — Ты нам руки ослобони, чтоб сеять в своё удовольствие, чтоб чужие по карманам у нас и закромам не шарили!

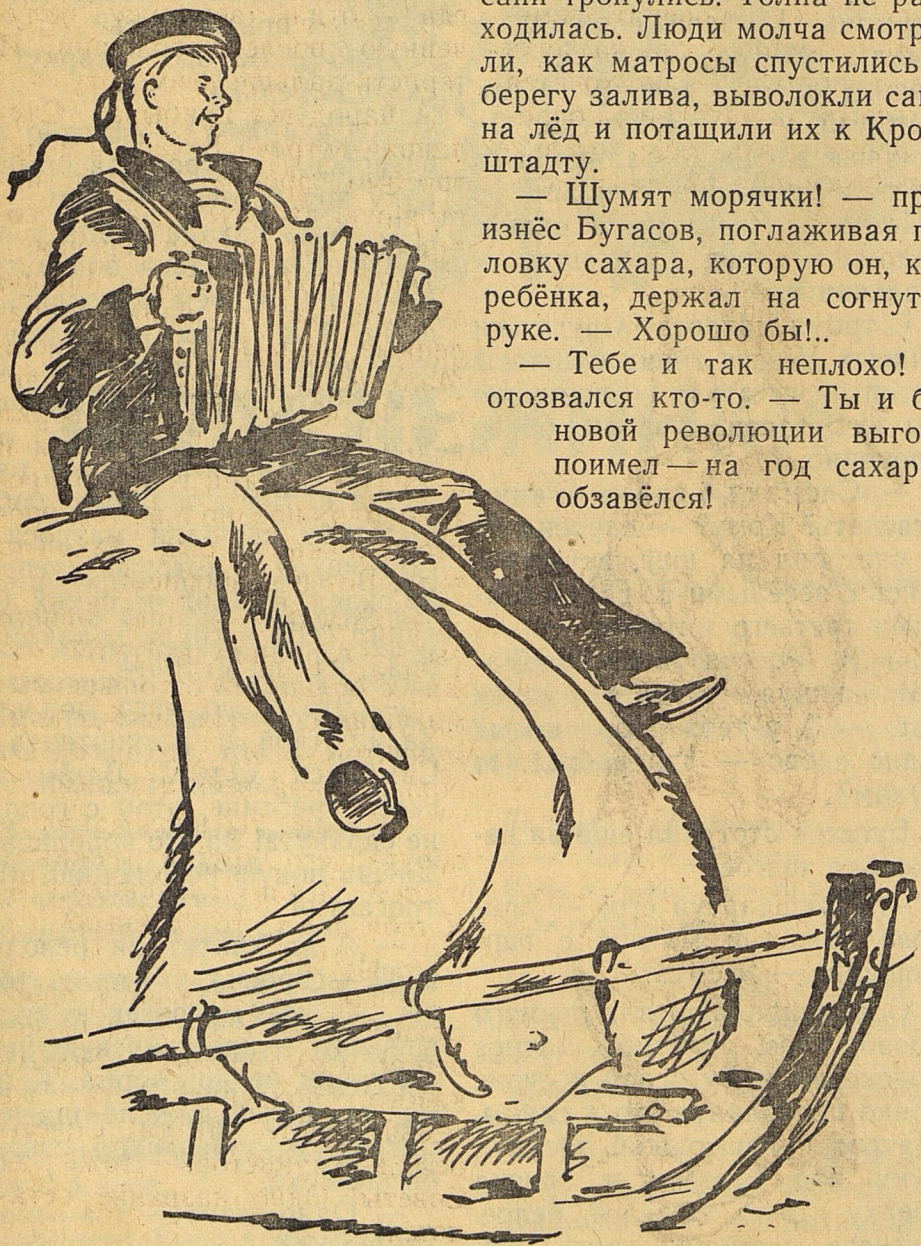
— А я про что? — крикнул матрос с гармошкой. — Что

есть новая революция? Заградиловку — побоку, продразверстку — за борт, большевиков — на дно!

Он рванул гармошку и заиграл марш. Молчавший всё время третий матрос встал и взялся за верёвку. Другой матрос занял своё место сзади, и сани тронулись. Толпа не расходилась. Люди молча смотрели, как матросы спустились к берегу залива, выволокли сани на лёд и потащили их к Кронштадту.

— Шумят морячки! — произнёс Бугасов, поглаживая головку сахара, которую он, как ребёнка, держал на согнутой руке. — Хорошо бы!..

— Тебе и так неплохо! — отозвался кто-то. — Ты и без новой революции выгоду поймел — на год сахаром обзавёлся!

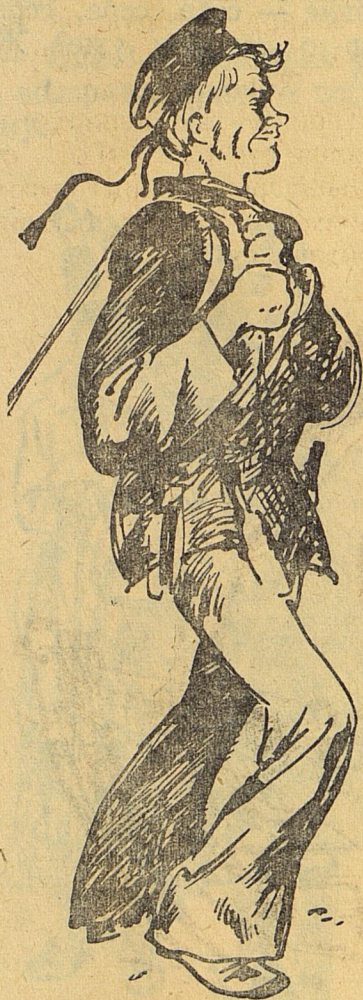

— Дают — бери, не дают — отнимай! — сказал Бугасов. — Так живём.

— Вот у тебя и того — отнимают все излишки.

— Если б только излишки! — вмешался третий.

И зашумели в толпе. Развязались языки. Больше всего говорили о весне. Надо готовиться к севу: проверять семена, чинить инвентарь, а руки словно отсохли — не хочется браться ни за плуг, ни за борону. Зачем сеять, если осенью опять жиманёт продразверст-

ка — и останется ровно столько, сколько нужно, чтобы не умереть зимой с голоду. А всё остальное как в воду канет. Ни пользы, ни выгоды. Одни мозоли.

И чугунели лица у мужиков от этого безвыходного положения. Некуда им было податься. И назад нельзя, потому что тогда — отдай земельку, полученную после революции. И терпеть дальше не вмоготу.

А народ всё прибывал. Случайная встреча Бугасова с матросами превратилась в настоящую сходку. У забора собралась чуть не вся деревня.

Братья Дороховы и Гриша внимательно слушали расплётённые корявые речи мужиков. Мальчишки не знали, где правда. И один вроде говорил дельно. Можно согласиться и с другим. Третий говорил противоположное, но и в этом противоположном был какой-то толк. Вот и разберись!

— Советы — оно ничего бы! — горланил высокий мужик с большими оттопыренными ушами. — Их бы без коммунистов — это б да-а! От большевиков весь прижим!

— Гвоздь ты вислоухий! — обругал его другой мужик с пустой левой глазницей. — У тебя дома кто главный?

— Ну я!

— Ты! — согласился одноглазый. — А если тебя — коленом, а на твоё место Тимоху какого подсунуть — та же семья будет? Не та! Советы без коммунистов — тоже не Советы! Одно название останется!

— А хоть бы и совсем они лопнули! — сказал Бугасов.

Одноглазый подскочил к нему, вкрадчиво произнёс:

— Лопнули Советы!.. Что дальше?

— Чего дальше? — растерялся Бугасов.

— Вот и я спрашиваю: что дальше?

— А это уж пусть другие придумывают, кто наверху, у кого голова большая.

— А наверху-то большевики!.. Иль тебе Николашку вернуть?

По толпе пробежал неодобрительный гул. Царя никому не хотелось.

— Отстань, пиявка одноглазая! — отмахнулся Бугасов.

Но мужик не отставал:

— А может, анархистика в клёше наверх выпихнуть?

— Пусть хоть дьявол с рогами, лишь бы о нас подумал! — выкрикнули из толпы. — А матросы — они думают!

Кто-то расхохотался.

— Чем им думать-то? Клёшем?.. Он хоть и широкий, а для раздумья не приспособлен!

Мужики загалдели все разом. Каждый говорил, и никто не слушал. А к мальчишкам подошёл паренек в финской шапке. Дороховы встречали его несколько раз и знали, что он живёт на другом конце деревни.

— Верно, что вам сахару дали? — спросил он недружелюбно.

— Дали! — сказал Федька.

— Зря!

Федька нахохлился:

— Это ещё почему?

— Потому, что вы — большевики! Особенно — он! — Парень злобно посмотрел на Гришу.

— Я? — удивился тот и виновато улыбнулся, словно услышал незаслуженную похвалу.

— А то нет? Твои батька с маткой — самые богатые! Наотнимали у других!

Гриша только вздохнул, а братья засмеялись. Это ещё больше разозлило парня.

— Знаем мы! Все большевики такие — себе, себе, себе!.. Сахар-то сожрали уже? Жадюги!

— Федька! Дай ему в морду! — предложил Карпуха. — А я добавлю!

— За что? — неожиданно спросил Гриша. — Что большевиками назвал? Он и будет думать, что большевики жадные!

Федька, который уже собирался последовать совету брата, взглянул на Гришу, подумал и вдруг сорвал с парня финскую шапку.

— Идём — получишь сахару!

— Шапку отдай — я и так пойду! — спокойно сказал парень.

— Идём! — повторил Федька, возвратил шапку и пошёл к дому.

— В самом деле хочешь дать? — удивился Карпуха.

— Пусть знает — мы не жадные! — ответил Федька.

А парень обернулся к толпе, подмигнул кому-то и тоже пошёл к дому Дороховых.

В конюшне Федька расстелил тряпицу, положил на неё сахарную головку и взял топор.

— Нас четверо. На четыре и расколем. Понял? Так все большевики делают!

Он с чувством превосходства посмотрел на парня и ударил топором по желтоватому конусу сахара. Головка развалилась на две половинки. Федька поставил их торчком, чтобы снова расколоть. В это время закаркал Купря.

— Слышишь? — спросил Карпуха. — Кто-то идёт!

Федька заторопился, замахнулся топором, но дверь широко распахнулась, и в конюшню ворвались мальчишки. Их было много, и они заранее знали, как действовать. Не орали, не лезли с кулаками. Передние оттолкнули и припёрли растерявшихся Дороховых и Гришу к стене, а кто-то из задних подхватил обе половинки сахара, и конюшня опустела. Убежал и парень, из-за которого всё это произошло.

Прошка заржал — насмешливо, как показалось мальчишкам. Федька взглянул на топор, всё ещё зажатый в руке, и с каким-то невнятным возгласом выскочил из конюшни. Мальчишки были далеко. Не оглядываясь, они улепёты-

вали в деревню. А из дома на крыльцо вышла мать:

— Что это тут у вас? Играть больше негде? Ты ещё в дом эту ораву притащи!.. А топор зачем? Положи на место!

— Положу! — буркнул Федька и вернулся в конюшню.

Топор со звоном брякнулся в угол. Федька посмотрел на Гришу:

— Всё из-за тебя!..

Карпуха нагнулся к тряпице и, послунявив палец, стал собирать в рот мелкие крошки сахара.

— Я не так хотел, ребята! — сказал Гриша. — Я не думал...

— А ты думай! — прикрикнул Федька.

Он понимал, что не только Гриша, а и сам он виноват во многом, но сдержаться не мог. Очень уж было обидно.

— Добренький какой! — сказал Карпуха, облизывая палец. — Да и сахар-то был не твой, а Федькин. Ему матрос дал, а ты распоряжаешься.

Это была их первая ссора. Дороховы злились на себя и на деревенских мальчишек. Но себя ругать глупо. Ещё глупее ругать мальчишек, которые ничего не слышат, а сидят дома и сосут сахар. Гриша был рядом. Ему и досталось. Он стоял бледный, с опущенной головой. Он уже начал забывать, что живёт в чужой семье, что Федька и Карпуха ему не братья. Неужели всё это опять разрушится?

И Гриша заплакал.

— Чего захныкал? — опо-

мнился Федька. — Сахару жалко? Плевать на него!

Гриша не ответил. Братья переглянулись и поняли, что получилось плохо.

— А он и не сладкий. Дрянь какая-то! — отплёвываясь, произнёс Карпуха. — А виноват-то ты, Федька! Это ты позвал в конюшню! А им только и надо было — узнать, где сахар спрятан!

— Чего ж ты не предупредил тогда?

— Я говорил!

— Врёшь!

— Не вру!

И братья нарочно устроили такую перепалку, по сравнению с которой всё, сказанное раньше, стало совсем безобидным. Заметив, что Гриша вытер слёзы, Федька последний раз ругнул брата и зажал ему рот ладошкой.

— Замолчи!

Карпуха замолчал. Братья повернулись друг к другу спиной. Всё это они разыграли так естественно, что Гриша не догадался. У него отлегло от сердца. Захотелось помирить братьев.

— Не ссорьтесь, пожалуйста! — попросил он. — Я, конечно, виноват.

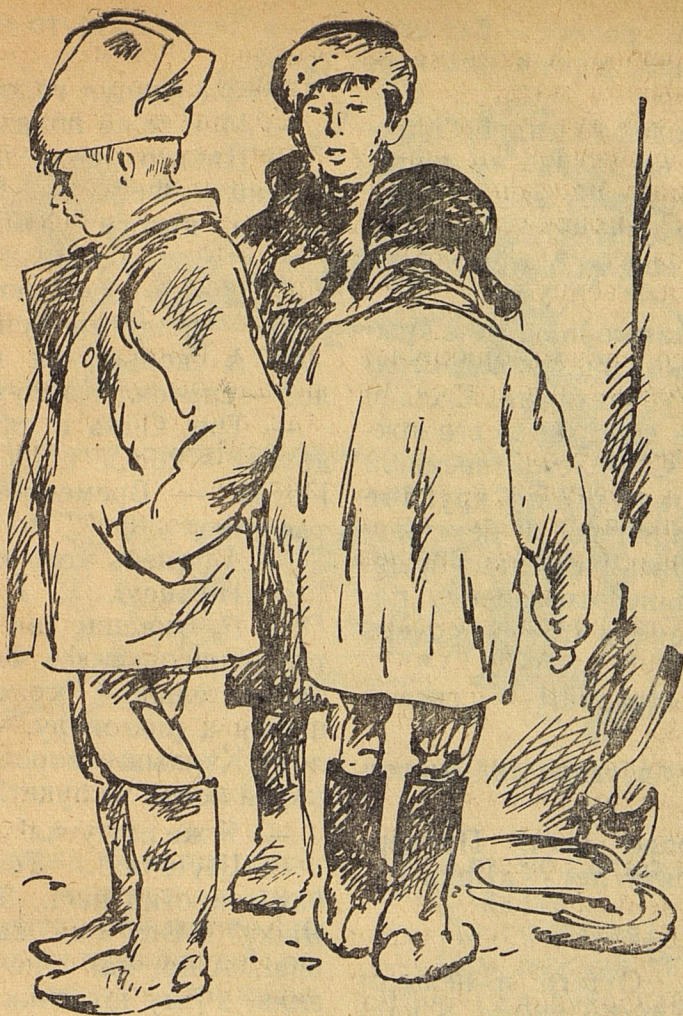
— Ничего ты не виноват! — Карпуха отшвырнул ногой тряпку, на которой не осталось ни пылинки сахара. — Ты лучше скажи — шоколад слаще?

— А ты не ел?

— Не-а!

— Он не слаще, а вкуснее. Самый сладкий — это мёд.

— Нашли про что говорить! — проворчал Федька. —

Как девчонки! Сладенького захотелось! Мне его и даром не надо!..

ЗАВАРУХА

В то утро была изумительная, по-весеннему бодрящая погода. Солнце блестело как новенькое. На небе — ни тучки. Одна голубынь без дна и края. На земле так бело, что ломило в глазах. Ночной мороз убрался в тень, а матовые сосульки стали на солнце стек-

лянно-прозрачными и сбросили в снег первые капли.

Тропинки на заливе до этого дня были почти незаметны, а теперь их оказалось очень много. Тёмными прожилками они рассекали искрящийся на солнце снег и всё бежали в одном направлении — к Кронштадту. Он сегодня казался ближе, чем обычно. Тёмный, приземистый, массивный. И не верилось, что он стоит на острове, что вокруг него вода. Это было просто поле, занесённое

снегом поле, ровное — без единого бугорка, дерева или кустика.

Даже людей не видно. Обычно тропки на заливе не пустовали, а в тот день между берегом и Кронштадтом лежала мёртвая восьмикилометровая полоса.

Посасывая сорванные с крыши сосульки, мальчишки стояли на льду у камня. Солнце пригрело и подсушило его южный бок. С толстой снежной шапки падали редкие крупные капли, ударялись о боковину и разлетались на мелкие брызги. В тишине эти шлепки падающих капель казались очень громкими.

— Как стреляет! — сказал Карпуха.

Гриша подставил ладонь под каплю.

— Здорово бьёт! Продержишь тысячу лет — дырка будет!

— Ну да?

— Ага!.. Оттого и пещеры бывают. Кругом темно, а капли тук... тук... тук... Хоть до центра земли!.. Я читал про одно подземелье. Там каторжника цепью к стене приковали. А он взял и подставил одно звёнышко под каплю. Десять лет сидел и держал. И цепь разорвалась!

Мальчишки прислушались к неторопливо однообразному пощёлкиванию капель. И хотя солнце сияло вовсю, им почему-то представилось подземелье. Темнотища. Никого нет — один каторжник у стены. А капли тук... тук... тук...

Карпуха поёжился.

— Чего-то как-то не так сегодня.

Гриша кивнул головой.

— Мне тоже показалось.

— Никого нет — потому, — пояснил Федька. — На всём заливе никого! Умерли они там, что ли, в Кронштадте?

— Новую революцию делают! — пошутил Гриша.

— А сколько их всего было? — спросил Карпуха.

— Три. Одна в пятом году, другая — когда царя скинули. Потом — Временное правительство.

— А теперь кого же?

— Не знаю.

— Не знаешь, так и не болтай! — рассердился Федька, неодобрительно прислушивавшийся к разговору. — Чего голову Карпышу морочишь? Никакой новой не будет!

— Я же пошутил!

— Шуточки!.. Теперь любая — против нас!.. Забыл про Яшку?.. Вот она какая — новая!.. А нас как с поезда сбросили?.. Ему шуточки! Да если б не Василий Васильевич, и тебя, может, уже не было-б!

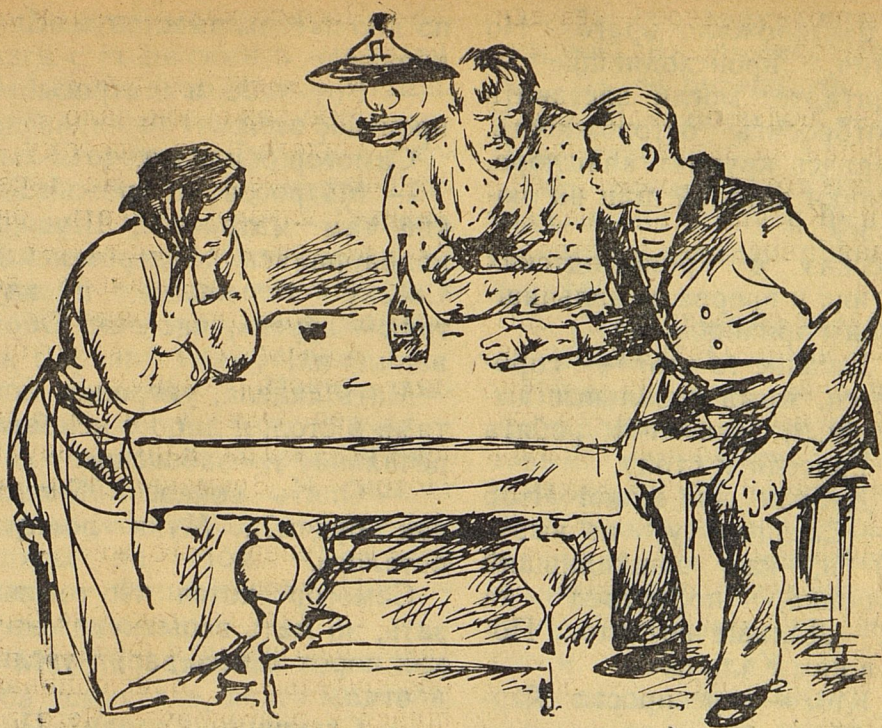
Гриша согласился.

— Я разве спорю!

Мальчишки замолчали и долго смотрели на пустынный лёд залива. Что-то тревожное было в этой безжизненной близине, в настороженной тишине, нарушаемой лишь гулками шлепками капель.

Карпуха предложил пойти домой. Ребята не возражали. Они точно чувствовали, что дома их ждут новости.

За столом сидел отец с матерью и Самогор — матрос Ал-

туфьев. Стояла бутылка красного вина, которую матрос принёс вместо обещанного самогона. По напряжённым лицам и по непечатой бутылке ребята догадались, что разговор был не из весёлых.

Будто и не заметив, что ребята поздоровались с ним, Самогор спросил у Карпухи:

— Как твоя фамилия?

Карпуха сначала удивился такому нелепому вопросу, потом обиделся и наконец припомнил длинный ночной разговор с Василием Васильевичем.

— Егоров! — ответил он и улыбнулся во весь рот. — Меня не поймаешь!

— Первое правильно, а второе — лишнее, — сказал матрос и быстро взглянул на Федьку. — Чего вы переехали?

Федька не растерялся.

— Откуда?

— Да с флигеля?

— Сам поживи зимой — узнаешь! Там дует, как в трубе. Не натопишься.

— А почему вас трое?

Пришла Гришина очередь.

— Соседский я. Мои уехали новый дом искать.

Этот маленький экзамен приказал устроить Крутогоров. Но у Самогора было задание и поважнее. Он приехал предупредить Дороховых. Обстановка сложилась такая, что в самый раз ждать визитёров. Правда, в тайничок на Елагинном острове, за которым следили днём и ночью, так никто и не заглянул. Видимо, исчезновение человека, назвавшегося Александром Гаврилови-

чем, насторожило врагов. Но события, происходившие в Кронштадте, могли заставить их отбросить осторожность. Затевалась крупная авантюра, участники которой шли на любой риск.

Рассказ о кронштадтских событиях и прервали мальчишки своим приходом.

— Дальше-то что? — спросил отец, когда довольные выдержанным экзаменом ребята тоже присели к столу.

— Дальше ещё хуже! Чтоб им... — Самогор чуть не выругался и, как нашкодивший мальчишка, посмотрел на мать. — Дальше вот что... Поехал к нам Калиныч.

— Кто? — переспросил Карпуха.

— Ну, Калинин, Михаил Иванович!

— Большевик?

— Ещё какой!.. Он такой человек: одну минуту с тобой покалякает, а ты и готов! Бушлат свой — нараспашку! Душу свою матросскую вытащишь и на ладошке — на тебе, Михаил Иванович! Делай что хочешь!.. Так вот он разговаривал с ними в Кронштадте... И хоть бы что! Отскакивает, как пуля от брони... А раз Калиныча не поняли, значит, их только пушкой прошибёшь!.. Заправляет у них царский генерал Козловский. Ясно, куда метят?

— То-то никого на льду не было, — сказал Гриша.

— Они посты выставили: ни в Кронштадт, ни из него. А Калиныча всё ж таки выпустили, гидры несчастные! Побоялись, что за него весь Котлин

на дно пустим вместе с их линкорами!

— Вот тебе и матросы! — произнёс отец.

Самогор обиделся.

— Матросов не трожь! Какие там матросы?.. Шушера поднабралась деревенская. Сверху — тельняшка, а внутри — дурень, частник! Оболванили их!

Мать сидела, упершись локтями в стол, и лицо у неё было печальное и озабоченное.

— Опять война... Жить-то как будем?.. Муки полпуда осталось.

Самогор хотел что-то сказать, но мать вспыхнула вдруг как порох и весь заряд угодил в отца.

— Слышишь, Степан? Полпуда!.. Ты зачешешься когда-нибудь? Тебе коня дали? На мельницу звали?.. Долго ещё сиднем сидеть будешь?

— На мельницу Василий Васильевич просил воздержаться, — робко сказал Самогор, зная, что в такую минуту лучше не возражать матери.

— Воздержаться?.. На попятную?

— Да не на попятную! Ты пойми, Варвара Тимофеевна! Нужно, чтоб вы всё время дома были... А с едой — Крутоголов подумал. Сарай контриков под боком. Запасов порядочно...

Мать вскочила.

— Чтоб я!.. Чтоб брала студа?.. От этих поганных?

— Не от них! — Матрос старался говорить как можно мягче. — От советской власти!.. Ты слушай и смотри...

Самогор достал какие-то бумаги с подписями и печатями. Это были акты. Один — о конфискации имущества Самсоновых-Егоровых. Другой — о передаче этого имущества Григорию Орловскому — Гришке. До его совершеннолетия на правах опекуна всем добром могла распоряжаться Дорохова Варвара Тимофеевна.

— Видишь? — Матрос подчеркнул ногтём одну строку. — Так и написано: Дорохова Варвара Тимофеевна... И ключ от сарая тебе передаю! — он выложил на стол массивный ключ. — Флигель не заперт — замок сломан.

Мать придиричиво прочитала оба документа, долго молчала, потом спросила у отца:

— Степан! Как? Законно?

— Законнее не бывает.

Мать взяла ключ, протянула его Гришке.

— Н-а, владей!.. А ты, — это уже опять относилось к отцу, — починишь замок во флигеле и ключ тоже — хозяину.

Федька с Карпухой обрадовались, а Гриша сидел как в воду опущенный. Ключ дрожал в его пальцах. Этот ключ от сарая, этот флигель, который теперь принадлежал ему, как-то выделили его и отгородили от семьи Дороховых. Гриша отодвинул от себя ключ.

— Возьмите, пожалуйста! — он еле сдержал слёзы. — Я не хочу... один.

Мать растрогалась, что бывало с ней не часто, обхватила Гришу за голову и прижала к себе.

— Ты что подумал-то, глупенький? Да разве!.. Да что ты!.. Да не будешь ты один! Никогда!.. Сын ты мой — и всё! Пока жива!..

Она снова взяла ключ, пустила его по столу к Федьке и обычным властным тоном приказала:

— Сена! Прошка заголодался!.. Втроём! Да живо!..

Накормив коня из запасов, принадлежавших теперь Дороховым, мальчишки пошли на кладбище. Гриша попросил ребят сходить с ним туда. Вся эта история с имуществом напомнила ему прошлое. Захотелось побывать на могиле брата.

Возвращались молча и не заговорили бы до самого дома, если бы не встретились у колодца с парнем в финской шапке. Он только наполнил вёдра, поднял коромысло на плечо, повернулся и застыл. Перед ним стоял Федька, за ним — Карпуха и Гриша.

С вёдрами далеко не убежишь. И бросить их невозможно. Мальчишка знал им цену. Иголку или гвоздь — и те нигде не купишь и не достанешь, а о вёдрах и говорить нечего. Потому и не двинулся он с места, только нахлобучил поглубже финку и отрешённо уставился в прищуренные Федькины глаза.

— Чайку захотел? — ехидно спросил Федька, кивнув на вёдра. — С сахарком? С нашим сахарком?

Парень так же отрешённо посмотрел на Карпуху, на Гришу и почувствовал, что если

ему и удастся благополучно выкарабкаться из опасного положения, то только с помощью этого большеглазого печально-го мальчишки. Именно к нему, к Грише, и обратился парень, зная, что других не разжалобить.

— У меня сестрёнка больная! У ней сахарная болезнь! Умрёт без сахара...

Парень врал только наполювину. Сестрёнка у него болела, но не диабетом. Он это сам придумал для убедительности. Федька с Карпухой в болезнях не разбирались, а Гриша знал, что при диабете сахар есть нельзя. Но он не стал разоблачать парня и тронул Федьку за плечо.

— Вдруг правда?.. Есть такая болезнь.

— Если и правда, так что? Я ему давал четвертинку! А он? А?..

Федька давно бы набросился на парня. Мешало одно — парень не убегал и не пытался защищаться. Не велика честь ударить мальчишку, который стоит с открытым лицом и руки держит на коромысле.

— А воду я не на чай таскаю, — сказал парень. — Мамка велела запастьись. Стрелять будут — до колодца не доберёшься!

— Кто стрелять будет? — насторожился Федька.

Парень посмотрел на залив в сторону Кронштадта.

— Они!.. Там пушки страшные! Как даст — полдеревни и нету.

Ребята переглянулись. Они думали, что только им известно

про Кронштадт. А парень, видя, что эта новость поразила их, продолжал:

— Они и по Питеру могут! Ка-ак шарахнут залпом!

— Откуда ты знаешь? — подозрительно спросил Федька.

— Вся деревня говорит!

Парень обрадовался, что про сахар больше никто не вспоминает, снял с плеча коромысло, поставил ведра на снег и зашептал:

— Нас-то, наверно, не тронут! Бугасов по дворам ходит — подговаривает мужиков.

— Чего подговаривает? — Федька тоже перешёл на шёпот.

— Чтоб матросам весточку дать!

— Какую?

— Что мы за них! Тогда они в деревню стрелять не будут, а по Питеру саданут! По большевикам!

— По большевикам? — переспросил Федька и сильно ударил парня в грудь.

Тот пошатнулся, попятился и, зацепившись за коромысло, упал. Ведра опрокинулись. Федька подскочил к нему.

— Саданут, значит?

— И так скользко, а они воду льют! — сказал кто-то сзади мальчишек.

К колодцу подошёл красноармеец — с усами, в потрёпанной шинели. Он нагнулся, одной рукой взял парня за воротник и поставил его на ноги.

— Твои ведра?

— Мои.

— Забирай, пока не отняли.

Парень подхватил ведра, коромысло и побежал прочь.

— А ты чего заступаешься? — спросил Федька. — Ему — за дело!

— Ладно, ладно! Не злись! — Красноармеец примирительно пошлёпал Федьку по плечу. — Храбрецы! Трое против одного!

— А они? — не вытерпел Карпуха. — Их сто против нас троих! И сахар на днях отняли!

— Жаль, меня не было! Я б вам помог! — Красноармеец улыбнулся и пошёл дальше.

Ребята постояли ещё немного у колодца и тоже двинулись вниз, домой. Услышав за собой скрип снега, красноармеец обернулся и пошёл медленнее,

чтобы мальчишки могли его догнать.

— Где живёте, разбойники?

— Там! — Карпуха кивнул на свой дом.

— Что ж это вы на самый край деревни забрались? Как на хуторе! Не страшно?

— Мы ничего не боимся! — ответил Федька.

Тропка была узкая. Красноармеец шёл впереди, ребята гуськом сзади.

— Давно здесь живёте?

— Не так давно, — сказал Федька и почувствовал, как Гриша толкнул его в спину.

Толчок был слабый, но Федьку кольнуло, как штыком. Стало жарко и страшно. Он схватил Карпуху за хлястик и обогнал его. Теперь Федька шёл вторым. Всё в нём напряглось, сжалось. А язык точно распух. Ему не хватало места во рту. Федька прикусил его зубами и решил так: прежде чем отвечать, он каждый раз кусанёт себя за язык.

Слева был забор Бугасова. Отсюда виднелся и двухэтажный флигель.

— Кто это там возится? — спросил красноармеец.

Федька прикусил язык и только после этого открыл рот:

— Где?

— На крыльце.

И Федька увидел на крыльце флигеля своего отца. Дверь была приоткрыта. Степан Дорохов рассматривал замочную скважину. Он собирался чинить замок.

— Что, соседей не узнаёшь? — удивился красноармеец.

Федька прохихикал, стараясь придать голосу весёлую насмешливость.

— Это не сосед. Это наш батя!

Красноармеец остановился:

— Что же он на чужом крыльце делает?

Федька опять прикусил язык.

— Почему на чужом? Этот дом тоже наш. Только зимой в нём холодно. Дует, как в трубе. Не натописься!

— Богато живёте! — задумчиво произнёс красноармеец.

— Ничего.

— И как же ваша фамилия, богатеи?

Пока Федька нащупывал зубами язык, Карпуха сказал:

— Егоровы.

— Три брата, значит?

Гриша замотал головой:

— Нет! Я — соседский. Я у них временно.

Красноармеец оттопырил нижнюю губу, поймал на зуб кончик уса и покусал волосинку.

«Вроде как я! — мелькнуло в Федькиной голове. — Боится!»

— Чего стоим? Пошли, разбойники! — по-приятельски сказал красноармеец и крупно зашагал по тропе.

Подойдя к раскрытым воротам флигеля, он не очень громко окликнул отца, вынимавшего из двери замок:

— Семён Егорыч!

Степан Дорохов был из тех людей, которые, занимаясь делом, по сторонам не glanceют. Он слышал, что позвали какого-то Семёна Егоровича, но

никак не связал это имя с собой. Он думал о замке, а не о том задании, которое дал Крутогоров и о котором напомнил сегодня Самогор.

— Папа! Тебя!.. Слышишь? — прокричал Федька.

В его голосе было что-то такое, отчего отвёртка у отца соскочила с шурупа. Ещё не обернувшись, Степан Дорохов понял: явился тот, о ком его предупреждали, чьего прихода он побаивался и втайне надеялся, что встреча с ним и не состоится. Он неохотно повернулся, хмуро ответил:

— Слышу! — И, разглядывая красноармейца, недовольно спросил: — Кого бог принёс?

Красноармеец вошёл во двор.

— Неласково гостя принимаешь, хозяин!

— Как умею.

Отец стоял на крыльце и сверху вниз смотрел на красноармейца.

— В хату хоть пригласил бы!

— Пойдём.

Отец стал спускаться с крыльца.

— А в этой не всех принимаешь? С выбором?

— Тут с осени не топлено.

Красноармеец сунул правую руку в карман и не пошёл по ступенькам, а прямо прыгнул на крыльцо. Лево́й рукой распахнул вторую — внутреннюю дверь и заглянул в комнату.

— Нахальный нынче гость! — произнёс отец.

Человек в красноармейской шинели не обиделся. Заглянув в комнату и удостоверившись,

что в ней давно никто не живёт, он явно повеселел.

— Веди, где тепло.

Мальчишки побежали вперёд, но отец заставил их вернуться.

— Выньте пока замок и — в керосин. Пусть ржавчину отъест.

Гостю это понравилось. Когда оставшиеся у крыльца ребята уже не могли его слышать, он похвалил Степана Дорохова:

— Люблю таких людей, Семён Егорович!

— Каких?

— Спокойных, хитрых, остроумных. Ты, прости, с виду увалень, а есть в тебе секрет с пружинкой.

— Пружинка у каждого имеется, — не оглядываясь, ответил Дорохов. — Ты вон тоже с пружинкой в кармане.

Гость рассмеялся и больше не заговаривал до самого дома.

Только мать сразу приняла этого красноармейца за того, кем он действительно был. О приходе гостя её предупредило карканье Купри. Выглянув в окно, она увидела мужа с незнакомцем. Сердце у неё сильно стукнуло и зачастило. Она отошла к печке, взяла ухват и начала сгребать в кучу ещё горячие угли.

— Здравствуй, Ксения Павловна! — приветливо поздоровался гость, переступив порог.

Мать с таким оскорблённым достоинством взглянула на него, что он сам же поправился и перешёл на «вы»:

— Извините, ошибся! Не Павловна, а Петровна!

Мать смягчилась, ответила:

— Здравствуйте.

— Я вас долго не задержу, — гость поклонился не по-солдатски. — Где разрешите присесть?

Мать указала на табуретку у стола.

— Чай приготовить?

— Спасибо. Ничего не надо... Семён Егорович, присаживайся!

Дорохов сел за стол напротив гостя. Тот тихонько ладонью с длинными пальцами похлопал по клеёнке и, растягивая слова, внушительно произнёс:

— А теперь... очень честно, очень подробно — всё об Александре Гавриловиче... И только без этого — без тумана... Я жду!

К этому вопросу Дорохов был подготовлен. Крутогоров рассказал ему, как было на самом деле, и просил ничего не прибавлять и не убавлять. Дорохов так и пересказал гостю всю историю. Тот внимательно выслушал. Ни разу не перебил. Сидел и покачивал головой с короткими седеющими волосами.

— Если случайность, — то весьма печальная... Ты уверен, Семён Егорович, что никому не дал знать об Александре Гавриловиче?

— Зачем?

— Причин могло быть много. Икупить прошлую вину хотя бы...

— Я не про то... Зачем да-

могла погладить вас по голове ухватом.

— Да! — согласился человек в шинели. — Не учёл я этого обстоятельства. Спасибо за урок!

Он спрятал пистолет, поднял табуретку, сел в прежней позе напротив отца, спросил:

— Честно говорить?

— Как душа подскажет.

— Только без обиды... Посуди сам: Александр Гаврилович исчез, у бакена маячок выставлен... Что бы ты подумал?

— Я бы и носа сюда не сунул.

— А мне пришлось... Шёл как по тонкому льду!.. Люди нужны! Свои люди!.. Мало их осталось!.. Что про Кронштадт слышно?

Дорохов неопределённо пошевелил бровями.

— Болтают — заваруха какая-то.

— Заваруха! — с болью воскликнул гость. — Бароны и генералы в заварухах не участвуют! И я бы, грешный, пачкаться не стал... Пока это мятеж, как изволят выражаться большевики, а превратится он в великое искупление грехов! Это будет страшный суд! Библейский страшный суд!..

Человек в красноармейской шинели уже не следил за своим языком, не старался избегать чуждых простому солдату

вать знать? Мы бы и сами справились как-нибудь.

— Хм! Справились бы?.. Он тоже, как ты говоришь, с пружиной в кармане был.

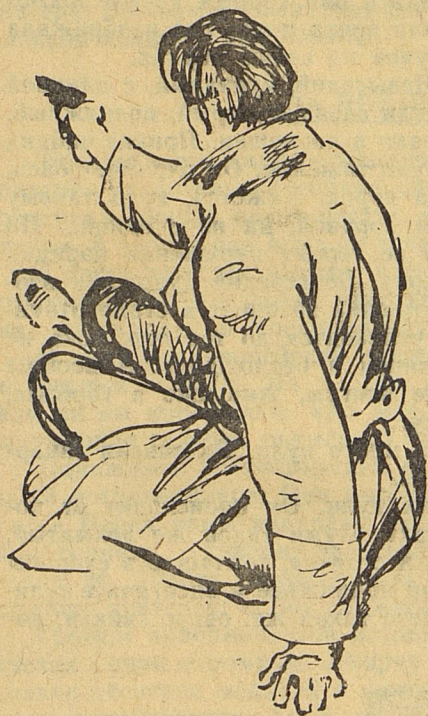
— Обернись, — попросил Дорохов.

Прежде чем обернуться, гость закусил ус, подумал и вдруг, ногой выбив из-под себя табуретку, низом отскочил в сторону.

Сзади стояла мать с ухватом. Спокойно смотрела на выхваченный гостем пистолет.

— Поздно... Я бы давно

слов. В нём заговорил злобствующий барин. Он жаждал расплаты за эту поношенную шинель, в которую он вынужден рядиться; за страх, который он испытал, отправляясь на эту встречу, за то, что он должен считать своим какого-то садовника, на которого он раньше и не взглянул бы, подавая полтину на чай. Холодно-

кровный и выдержанный до этого момента, он теперь был взволнован и убеждённо, как о чём-то близком и неизбежном, говорил о том, желанном для него, дне, когда схлынет в заливе лёд и у мятежного Кронштадта бросит якоря армада иностранных военных кораблей. Проревут тысячи пушек. Снаряды выпотрошат Петроград. Очистительная волна вздыбится на берегах Балтики, прокатится по всей России до Тихого океана и утопит большевиков и всех тех, кто даже в мыслях, даже на одну секунду был на их стороне.

Степана Дорохова не пугали и не злили слова этого человека. С какой стати злиться? На то он и враг. Хуже было то, что ничего конкретного он пока не говорил и потому его нельзя было трогать. «Неужели придётся отпустить?» — с беспокойством думал Степан. Руки у него чесались. Представлялось ему, как он опрокинул бы стол на гостя. Тот бы не успел и пистолет вытащить! Локоточки назад! Тугой ременной узел! И — здравствуйте, ваше благородие!..

(Продолжение следует)

Нет друзей вернее...

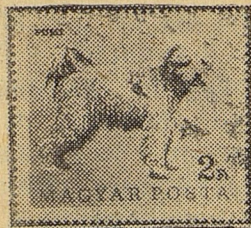
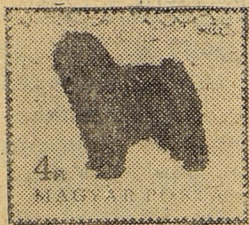
ПУМИ, ПУЛИ И КОЛЛИ

Венгры — замечательные собаководы. Они вывели много полезных собачьих пород. На весь мир прославились они своими двумя лохматыми собачками: пули и пуми. Венгерская почта много раз изображала этих кудлатых, отчаянно храбрых пастухов на своих марках.

Полюбуйтесь-ка вначале на пули. Невысокий, курчавый, с длинной шерстью, пули и сам похож на овцу. Пули очень шустрый, подвижный, энергичный пёс. Он очень дисциплинирован и послушен. Приказ чабана для него — железный закон. Работа у пули тяжёлая. Он охраняет овец, свиней, домашнюю птицу и даже стада коров. Кажется, куда такому малышу справиться с большой рогатой коровой, да не с одной... Но будучи сам дисциплинированным, пули не терпит нарушения порядка ни от кого. Взгляните ещё на одну марку. Венгерский художник изобразил, как этот чёрный лохматый коротышка загоняет в стадо отбившуюся корову. Пули бесстрашен и не успокоится до тех пор, пока не восстановит порядок. В это время он свиреп и беспощаден. А вообще это очень ласковая собачка. И многие венгры, живущие в городах, берут пули в дом, как комнатную собаку.

Теперь и в нашей стране появилось много пули. Их завели закарпатские, ставропольские и другие колхозы.

А вот и пуми, близкий родственник пули. Он происходит от помеси пули и восточноевропейской овчарки. Пуми такой же лохматый, как пули. У него полустоячие, а иногда и стоячие, торчащие в стороны уши. Мордочка слегка заострённая. Пуми подвижнее и энергичнее пули. Бегаёт он быстрее. А специальность у него такая же: овцы, свиньи, домашняя птица, коровы.

Представляю вам ещё одну пастушескую собаку — шотландскую овчарку колли. Её портрет можно увидеть на марках СССР, Венгрии, Сан-Марино и других стран. И неудивительно: ведь колли признанная красавица во всём собачьем царстве. Нет ни у кого более красивой шубы, чем у неё. Самой тёплой шерстью обычно считается верблюжья.

Окончание. Начало в «Искорке» № 9 за 1968 г.

Но специалисты говорят, что шерсть колли нежнее и теплее. Колли помогает пасти овец, но только не на больших пастбищах.

Так же как и пули, колли очень добрая и ласковая собака, очень дружна с ребятами. А многие из ребят благодарны шотландской овчарке за тёплые носки и варежки, которые мамы и бабушки связали им из лёгкой, как пух, шерсти колли.

Впрочем, не только колли отличаются своей шерстью. У моего друга писателя Марка Ланского живёт пудель Кудряш. Не собака, а огромный, породистый баран. Каждый год его стригут и получают до килограмма великолепной шерсти. Из неё связали не только носки и варежки, но и шарфы и даже замечательные свитера. Вот вам и комнатная собака — пудель, от которой, говорят, нет никакой пользы, одни заботы.

НА ВСЕ ЛАПЫ МАСТЕР

Больше всего марок посвящено восточноевропейской овчарке. И это понятно: удивительная собака овчарка! На все лапы мастер. Раз она «овчарка», значит она — пастух. В прошлом это было её главным занятием. А теперь она одна из лучших служебных собак. Специальностей у неё превеликое множество: часовой на государственной границе, лучший помощник в розыске преступников, бдительный сторож в магазинах, на складах и предприятиях.

О восточноевропейской овчарке можно рассказать сотни самых интересных историй. Да и сами вы не раз читали о её подвигах. Видели ли вы кинофильм «Ко мне, Мухтар!»? Это действительно, а не выдуманная история розыскной собаки из Ленинграда.

Однажды в ленинградский рабочий клуб на вечер были приглашены 25 пограничников. Они выстроились в шеренгу на сцене.

— Перед вами двадцать пять отличившихся воинов, охраняющих нашу границу, — говорит председатель собрания. Народ смотрит и видит только 24. Значит, председатель ошибся? Председатель улыбнулся и успокоил зрителей: — Вот двадцать пятый...

Громом аплодисментов встретили зрители появившуюся из-за солдатских спин огромную овчарку Амура. На его ошейнике висело несколько десятков медалей и жетонов — награды за отличную службу и призы на выставках. Амур помог задержать несколько десятков нарушителей государственной границы.

А вот какая любопытная история произошла в одном дачном посёлке. Здесь жили Анна и Глеб Архангельские — известные собаководы. Всему посёлку была известна их отлично обученная овчарка Волга. Как-то к дому, где жили Архангельские, прибежал милиционер:

— Хозяева дома? Тут кража неподалёку, остались свежие следы... Волга ваша сразу возьмёт след...

Но старших дома не оказалось. На даче оставались лишь прабабушка и первоклассник Андрюша.

— Пойдёмте, — сказал Андрюша, — Волга хорошо слушается меня.

Подбежали к дому, где произошла кража. Андрюша спустил Волгу с поводка и отдал команду. Овчарке ничего не стоило взять след. Через каких-нибудь десять минут Волга привела милиционера и Андрюшу к дому, где спрятался вор. А он, взглянув через щель и увидев оскаленную пасть Волги да ещё рядом милиционера, понял, что дело проиграно, сопротивляться бесполезно. И, не оказав никакого сопротивления,

сдался милиционеру. Милиционеры поблагодарили Андриюшу. Первоклассник, с гордостью потрепав за ухом Волгу, отправился домой.

— Куда тебя понесло? — спросила обеспокоенная прабабушка.

— А мы тут с Волгой дело одно сделали, вора зацапали, — важно ответил Андриюша.

Восточноевропейские овчарки исключительно выносливы. На войне овчарка Джек работала связистом. Её обязанностью была доставка боевых донесений. Она отлично ползала по-пластунски, и никакой огонь ей не был страшен. Три раза она была ранена, но после лечения возвращалась в строй. Когда наши войска форсировали Днепр и захватили «пятачки» на противоположном берегу, Джек вплавь переплывал через широкую реку и доставлял очередные донесения. Переплывал он и другие большие реки. Всего за время войны Джек доставил 2932 боевых донесения.

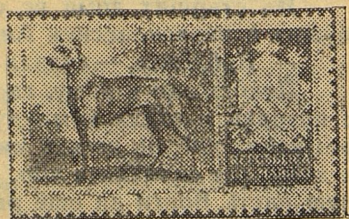
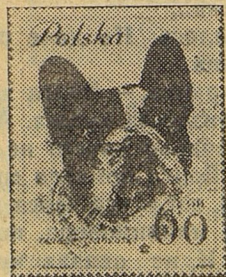
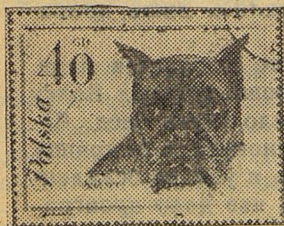
БОКСЁРЫ БЕЗ ПЕРЧАТОК

Эта собака вам, конечно, знакома. С могучей грудью, короткошёрстная, с не очень красивой мордой, но с очень красивыми выразительными глазами. Это боксёр. Перчатки на лапах ему не положены, но удар может нанести и без перчатки. Да такой, что на месте не устоишь.

Эту породу служебных собак вывели в Германии. Самым знаменитым боксёром владел чопорный немецкий барон фон Пфальцгау. Звали собаку Ремос. На всех собачьих выставках он завоёвывал первые призы. Но барон вряд ли по-настоящему любил Ремоса. Ему важнее были его награды. И в груди у этого тщеславного хозяина находилось не сердце, а камень. Когда Ремос состарился, судьи на выставке присудили первый приз другому боксёру. Жестокий барон тут же на выставке при всех вынул пистолет и застрелил знаменитого Ремоса.

Боксёры — отличные сторожа и обладают огромной силой. Многие говорят, что у этих собак — «мёртвая хватка». Схватит преступника своей страшной пастью и долго после этого не может разжать челюсти. Но это одни разговоры. Нет у боксёров этой выдуманной «мёртвой хватки». А если какая-нибудь собака действительно обладает такой хваткой, то это не достоинство, а большой недостаток. Представьте себе, схватил боксёр за руку или другое место вора и не может разжать челюсти. Ведь преступник другой рукой может в это время что угодно сделать с собакой.

Спротивляющегося боксёр может загрызть до смерти. Но в схватку с этим силачом преступники не вступают. В Ленинграде прославился боксёр Кинго. Ему всего лишь три года, но он уже показал себя настоящим бойцом. На ошейнике этого могучего пса — шесть боевых медалей. А с виду Кинго малоподвижный, равнодушный... Когда стали обучать его служебно-караульной службе, Кинго попал в компанию самых

неуспевающих учеников. Думали, что из него ничего не выйдет. В собачьей школе на второй год не оставляют.

И вдруг Кинго разгорелся. Прошло немного времени, и он выдвинулся в ряды отличников. Инструктор не мог нарадоваться на него. В журнале против клички Кинго — одни пятёрки. Но по-настоящему этот боксёр показал себя в первую же караульную ночь. Он задержал двух воров сразу.

Караульную службу несут и другие служебные собаки. Среди них французский бульдог, изображённый на польской марке, и гигант среди собак — датский дог, которого можно увидеть на почтовой марке Сан-Марино.

И НА ЛЬВОВ НАПАДАЮТ

Кто бы мог подумать, что эта небольшая собака, с курчавой, очень жёсткой, как прутики, шерстью, с хвостиком-кочерыжкой, отличается такой поистине удивительной храбростью! Солидного в ней только одна трёпаная борода. Это эрдельтерьер. На вид добродушный и даже немного смешной. А в Африке с эрдельтерьерами охотятся на льва.

Об эрдельтерьерах тоже можно рассказать много любопытного. В годы войны во время жестокого воздушного боя был тяжело ранен советский лётчик. Военные медики предпринимали всё, чтобы спасти ему жизнь. И они спасли лётчика. Не удалось им только сохранить зрение воздушному бойцу. Лётчик полностью ослеп.

Он был молод. После возвращения домой силы постепенно возвращались к нему. Сейчас бы только работать или учиться. Но об этом он даже не мечтал. Правда, он знал, что в вузах учится много слепых. Но как добираться до института?

Лётчик всё же стал студентом. И помог ему... эрдельтерьер. Маленьким щенком попал он в семью слепого. Дочери-школьницы называли его Типтопом. Тайком от отца девочки водили Типтопа учиться на площадку клуба собаководства. Там эрдельтерьера обучили специальности проводника. Когда Типтоп сдал экзамены на пятёрку, девочки пригласили отца на прогулку. На улице слепому дали в руки поводок Типтопа. Как заправский проводник, Типтоп внимательно осматривал дорожку и уж после этого смело шёл вперёд. Сперва не совсем, а потом всё более уверенно за ним шагал слепой лётчик. В один приём Типтоп познакомился с дорогой до института, где собирался учиться пилот. Теперь умная собака вела своего хозяина на учёбу. Так вместе они и институт закончили.

МОРЕ НЕ ПРЕГРАДА

Самыми большими собаками в мире являются сенбернары. Вес некоторых из них доходит до 90—100 килограммов. Их родина — Швейцария. Прославились они тем, что спасают высоко в горах заблудившихся путников. Сенбернару Барри даже поставлен памятник в Париже. Он спас от гибели в Альпах 39 человек.

Почти такими же большими, как сенбернары, выглядят ньюфаундленды. Их родина — полуостров Ньюфаундленд в Северной Америке. Там живёт много рыбаков, и огромные собаки привыкли к морю. Более того, они являются замечательными пловцами.

В Одессе жил капитан торгового судна, который очень любил собак. Однажды он возвратился в родной порт не один: привёз домой маленького щенка ньюфаундленда. Мирта, так называли щенка, вскоре превратилась в огромную собаку, удивлявшую прохожих.

Когда началась война, судно, которым командовал капитан, стало военным транспортом. Оно перевозило раненых из осаждённой Одессы в Новороссийск. Но транспорту не повезло. В один из рейсов он наскочил на мину и затонул. Погиб и капитан.

А в Одессе положение становилось всё хуже. Командование старалось вывезти из осаждённого города как можно больше мирных жителей. Должна была эвакуироваться и жена погибшего капитана с годовалой дочуркой. Они пошли на пристань, где производилась посадка на пароход. За ними плелась грустная Мирта.

Когда стемнело, пароход отправился в путь. Но и этот рейс оказался несчастливым. В пути на судно налетели фашистские самолёты. Одна из бомб угодила в самый центр судна. Жена капитана оказалась в одной из спасательных шлюпок, но ни Веры, ни Мирты она не видела. «Погибли», — с отчаянием думала она.

Через несколько лет по окончании войны жена капитана приехала в один черноморский посёлок. Она шла по тихой, пустынной улочке. У одной из калиток лежала большая чёрная собака. «Как она похожа на Мирту», — подумала жена капитана, вспомнив погибшего ньюфаундленда.

— Мирта! — невольно вырвалось у неё.

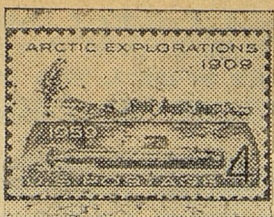
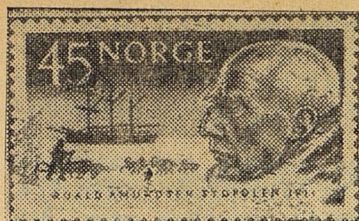
И вдруг собака вскочила и с восторженным лаем бросилась к женщине. На лай вышли старый рыбак и его жена. Начались расспросы... Старый рыбак рассказал, как в одну из ночей он слышал артиллерийскую канонаду, взрывы бомб. Сердцем чувствовал: в море произошло что-то недоброе. А наутро на косе увидел какой-то чёрный ком. Подошёл, — и на него зарычала большая косматая собака. Рядом с нею лежал свёрток, откуда доносился детский плач.

Удивлению рыбака не было границ! Надо подобрать дитя. И чёрная собака, почуяв, что человек не сделает ничего плохого ребёнку, перестала лаять. Так маленькая девочка и Мирта оказались в рыбацкой семье. Рыбак назвал девочку Мариной и воспитал её.

Вскоре Вера—Марина пришла из школы. Разве могла мать обознаться. Это была её дочь! Мирта спасла её, проплыв огромное расстояние до берега. Чтобы не расставаться с рыбаками, вырастившими Веру—Марину, мать поселилась у них. В посёлке для счастливой матери нашлась работа.

НА ДВУХ МАКУШКАХ ЗЕМЛИ

Земля — шар. Это вы уже давно знаете. Этот шар, на котором живёт два миллиарда людей, — их огромный дом. А свой дом надо знать очень хорошо. Учёные-путешественники изучали землю, отправлялись в экспедиции, открывали много ранее неизвестных островов, рек, гор, водопадов, озёр. А вот лет пятьдесят с небольшим назад никто ещё никак не мог добраться до двух макушек Земли — до Северного и Южного полюсов. Сколько ни пытались, ничего не выходило. Отправлялись по льдам на лыжах, но силы иссякали, и большинство смельчаков погибали в пути. Пытались это сделать на воздушном шаре, — не долетали. И если кого уж надо поблагодарить за открытие Северного и Юж-

ного полюсов, — так это простых северных лаек. Вот кто помог путешественникам добраться наконец до макушек нашей планеты.

Посмотрите на две марки: одну выпустили в США, другую — в Норвегии. На них художники запечатлели две очень волнующие истории. Роберт Пири, американский следопыт, несколько раз пытался достигнуть Северного полюса. И каждый раз вынужден был возвращаться обратно. Уж очень трудно было одолеть такие преграды, как льды, заснеженные поля, полыньи и, главное, чудовищные морозы, неделями бушевавшие холодные бури. Но от мысли добраться до северной вершины Земли Роберт Пири никак не мог отказаться и продолжал готовиться к новой экспедиции.

В Норвегии жил другой смелый путешественник — Руал Амундсен. Он тоже мечтал о достижении Северного полюса. План у него был такой: на корабле «Фрам» добраться до границы вечных льдов. Уже было известно, что льды эти не стоят на месте, а непрестанно движутся в разные стороны. Вот и задумал храбрый норвежец вмёрзнуть вместе со своим «Фрамом» во льды, чтобы они понесли его корабль на Север. Если не до самого Северного полюса, то как можно ближе к нему. А уж на самый полюс Амундсену помогут добраться северные лайки, которые находились на борту корабля.

«Фрам» вот-вот уже должен был выйти в экспедицию, как вдруг мир облетела весть: Роберт Пири на собаках достиг Северного полюса! Взгляните на марку: перед вами часть земного шара с Северным полюсом на вершине. А на его фоне мчится собачья упряжка с нартами, на которых находится Роберт Пири.

Когда Амундсен узнал, что Северный полюс открыт, он опечалился. Теперь незачем торопиться на Север. Его опередили. И всё же «Фрам» вышел в море. Куда? Отважный Руал решил идти к берегам Антарктиды, чтобы достичь Южного полюса, который ещё не был открыт. Правда, он знал, что сюда же направилась английская экспедиция под командованием капитана Роберта Скотта. Но Амундсен задумал его обогнать.

Через несколько месяцев «Фрам» бросил якорь в Китовой бухте. Где-то в другом месте Антарктиды готовились выйти в поход Скотт и несколько его товарищей.

Посмотрите теперь на вторую марку: справа — человек с суровым лицом, с орлиным взглядом, привыкший к невзгодам. Это — Руал Амундсен. Слева вы видите «Фрам», а на снегу собачью упряжку. К нартам прикреплено колесо, похожее на велосипедное. Оно должно было отсчитывать расстояние, которое будет пробегать упряжка.

Это был очень трудный поход. Ведь двигались путешественники по местам, где никогда не ступала нога человека. На пути были и страшные бураны, бесконечные трещины, лютые морозы, достигавшие семидесяти градусов, высокие горы, на которых из-за разреженного воздуха было очень тяжело дышать; но отважные полярники не отступали. И Амундсен победил. Он пришёл на Южный полюс первым.

А вот на марке собака, которую знает весь мир. Она стоит рядом с четырьмя полярниками. Это папанинцы, а собаку зовут Весёлый.

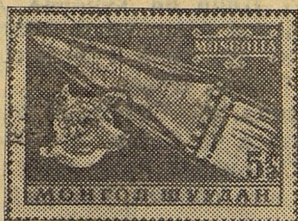
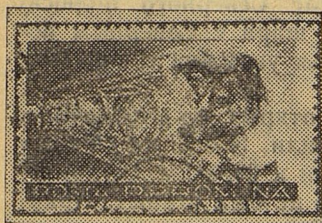
Она высадились на Северный полюс с самолёта, осталась с отважной четвёркой на огромном ледяном поле. Почти десять месяцев она дрейфовала на льдине, до того момента, пока не пришли корабли и не забрали смельчаков и их четвероногого спутника. Эту сценку и изобразил художник на марке.

И сейчас в центре Арктики находятся на льдинах две советские дрейфующие станции «Северный полюс-16» и «Северный полюс-17». И здесь вместе с зимовщиками живёт несколько полярных лаек. Это уже опытные ледовые старожилы. На «СП-17» любимцы полярников лайки Вега и Варнак. Вега дрейфует уже второй, а Варнак — четвёртый раз, прожив на льдинах более семи лет.

СОБАКИ-ГЕРОИ

Вы уже, конечно, догадались, о каких героях пойдёт сейчас речь. Это — четвероногие космонавты. Они изображены на многих марках, и не только на советских, но и иностранных. Кто не знает знаменитую Лайку, которая была первым космическим пассажиром. 3 ноября 1957 года на борту второго советского искусственного спутника Лайка совершила первые полёты вокруг Земли. Первую марку с портретом этой собаки издали в Румынии, потом в Венгрии, Монголии и в других государствах. Но Лайка не вернулась из космоса.

Следом за ней один за другим в космос отправились и другие четвероногие пассажиры. Все эти путешественники благополучно возвратились обратно на Землю. Этим собакам посчастливилось попасть не только в звёздные края, но и на почтовые марки многих стран. Пожалуй, нет такого альбома с почтовыми знаками, где бы мы не увидели портреты Белки и Стрелки, Чернушки, Звёздочки. Кстати, имя Звёздочка дал этой собачке первый космонавт мира Юрий Гагарин.

Все эти четвероногие разведчики вселенной пробыли в космосе сравнительно небольшое время. Чемпионами в этом деле оказались два других космических путешественника — собаки Уголёк и Ветерок. Их поместили в кабину звёздного корабля «Космос-110» и отправили в длительный полёт по просторам вселенной. Путешествие Уголька и Ветерка продолжалось 528 часов. Это уже рекорд! Недаром венгерская почта посвятила этим четвероногим героям очень красивую марку.

Благодаря космическим полётам собак учёным удалось раскрыть много загадок. Раскрыв их, учёные сделали более безопасными полёты людей в космосе. Много помогли собаки и в другой науке — медицине. Великий русский учёный, академик Иван Петрович Павлов (кстати, он был страстным коллекционером марок), всю жизнь проводивший научные опыты с собаками и совершавший крупные открытия, в Колтушах, под Ленинградом, поставил памятник четвероному помощнику. А на памятнике слова, полные любви и благодарности собаке, самому верному другу человека.

Э. МИРОНОВ

Молодые хозяева земли

(К фотографиям на 3-й странице обложки)

Давно, ещё в тридцатые годы, сошла с экрана песня:

*Шагай вперёд, комсомольское племя,
Шути и пой, чтоб улыбки цвели,
Мы покоряем пространство и время,
Мы молодые хозяева земли.*

Песню эту поют и сегодня. Поют с гордостью. Много больших побед у молодых хозяев нашей советской земли — комсомольцев. На стройках и на стадионах, на заводах и в голубом небе, в просторах полей и на театральной сцене — всюду они!

Александр Скринский — один из самых молодых лауреатов Ленинской премии прошлого года (снимок 1). Работает он в Новосибирске, в Институте ядерной физики. Пришёл туда студентом-третьекурсником, а сейчас заведует лабораторией. Что он делает? Пытается проникнуть в антимир. И делает это успешно. Наука нашей страны смело шагает вперёд. И двигают её такие люди, как Саша Скринский.

А нападающего команды ЦСКА, лучшего хоккеиста страны Анатолия Фирсова (снимок 2) рекомендовать, очевидно, и не требуется — его знают все. И вполне понятна радость того юного хоккеиста, который получил свой первый завоёванный кубок из рук прославленного спортсмена.

Светлана Савицкая — тоже спортсменка (снимок 4). Восемнадцатилетняя комсомолка вместе с подругами установила три мировых рекорда в групповых парашютных прыжках из стратосферы.

Высота!.. Чтобы уметь её не бояться, мало одного мужества, нужно ещё и большое мастерство.

В Париж на гастроли приехали артисты нашего цирка. И пристал к Геннадию Попову фотокорреспондент газеты «Франс-суар»: «Смелы ли вы? На арене или вообще? А смогли бы вы сделать стойку на перилах Эйфелевой башни?» Пристал как банный лист!

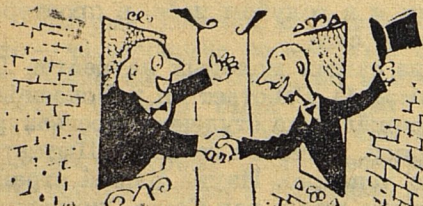
— Смогу! — сказал наконец, чтобы отвязаться, Геннадий. Пошёл — и сделал стойку. Фотография обошла все газеты (снимок 5).

А на стыке села Козино с селом Ивановка живёт доярка Люба Сысоева (снимок 6). Знаете, сколько она надоила молока? Более двух миллионов литров! Это много. Но не подумайте, что Люба только тем и занята, что с утра до утра сидит на ферме и доит, доит, доит. Нет, она ещё занимается в институте, много читает. И ещё: доярка совхоза «Звенигородский» Любовь Сысоева — делегат XXIII съезда КПСС, депутат Верховного Совета РСФСР. Настоящий хозяин своей земли!

А вот ты сам, кем ты растёшь? Ведь наша страна, наша земля — это и твоя земля. Ты — её будущий хозяин. Готовься стать им! Учись реять и строить, творить и пахать! (снимок 3).

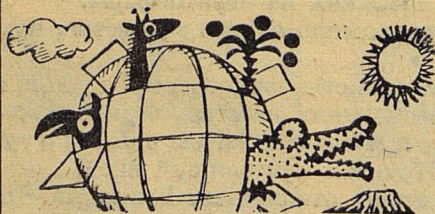
САМОЕ высокое сооружение в мире — это Останкинская телевизионная башня в Москве, устремившаяся вверх на 533 метра.

САМАЯ широкая в мире улица находится в новой столице Бразилии, — городе Бразилиа. Её ширина равна 300 метрам.

САМАЯ узкая улица в мире находится в Амстердаме (Голландия). Её ширина составляет всего 81 сантиметр.

САМАЯ большая гостиница в мире — это московская гостиница «Россия», рассчитанная на 6000 приезжих.

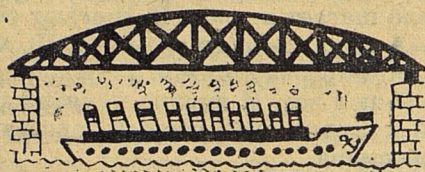
САМАЯ большая в мире теплица сооружена одной из японских фирм недалеко от Токио. Теплица, представляющая собой надувную шарообразную камеру диаметром 32 метра, предназначена для выращивания тропических растений и разведения тропических животных.

САМОЕ большое по площади искусственное водохранилище — это находящееся на реке Вольта в Гане водохранилище Аксомбо, площадь которого составляет 8500 квадратных километров.

САМЫЙ большой гараж в мире построен в Англии, неподалёку от города Бирмингема. В девятиэтажном корпусе гаража могут разместиться 3300 автомобилей.

САМАЯ маленькая деревня в Европе — община Элдон в английском графстве Кемпшир. В деревне всего три дома и маленькая церковь.

САМЫЙ большой в мире одноарочный мост — это мост через Орликское водохранилище на реке Влтаве в Чехословакии. Пролёт стальной арки моста достигает 330 метров, а общая длина моста-рекордсмена составляет 541 метр.

САМЫЙ длинный в мире пролёт, равный 1298 метрам, имеет мост Верразоно — Нерроуз в Нью-Йорке. Общая протяжённость моста 4820 метров.

САМЫЙ длинный в мире забор имеет протяжённость 9500 километров. Построен в 1963 году в Австралии для охраны овечьих пастбищ, где пасётся 160 миллионов овец, от нападения диких собак — динго.

Деление на левшей и правшей свойственно не только людям. У рака одна клешня развита сильнее, ботаники различают правые и левые листья у деревьев. Существуют правые и левые молекулы вещества, белки, жиры, углеводы. Весь живой мир Земли построен из левых белков.

Современная наука по-разному объясняет, почему большинство людей — правши и лишь некоторые — левши. Вот одно из таких объяснений.

Наши воинственные предки носили щит на левой руке, прикрывая сердце. А в правой они держали копье или меч. Почти неподвижно висел щит на согнутой левой руке, зато стреми-

ПОЧЕМУ ЛЕВША?

тельно взлетал и опускался меч. В результате мускулатура правой руки развивалась лучше. И уже после боя усталый воин, сам того не замечая, чаще держал чашу, иглу или молоток в правой руке.

Количество левшей совершенно чётко зависит от географических условий. Чем южнее страна, тем больше левшей среди её населения. В умеренной зоне Советского Союза левши составляют не более двух-трех процентов. На юге Франции и Италии их уже процентов семь. В Австралии — до двадцати шести процентов. А среди населения Южной Африки

этот процент ещё выше. Эту загадочную связь числа левшей с географической широтой учёные объясняют вращением Земли. Ведь по той же причине в северном полушарии реки подмывают правый берег, а в южном — левый.

Итак, на вопрос: «Почему я левша?» — пока точного ответа дать нельзя. Эта одна из интереснейших проблем современной науки пока не решена. Однако левша ничуть не хуже правши. Среди леворуких много замечательных спортсменов, левой рукой рисовал гениальный художник Леонардо да Винчи, левой рукой бросал биты, играя в гольф, наш великий учёный Павлов.

ТИГРАМ ПРИДЁТСЯ ПОТЕСНИТЬСЯ

Известную вотчину уссурийских тигров — излучину горной реки Татибе встревожил рокот моторов. Здесь строится мощный вольфрамовый комбинат «Восток». Строители расчищают тайгу, прокладывают

дороги, готовят фронт работ для весенне-летнего наступления. При-

морский вольфрамовый комбинат — одна из важнейших строек пятилетки на Дальнем Востоке.

А как же тигры? Им придётся потесниться. Впрочем, места полосатым красавцам хватит, ведь тысячи километров занимает на севере Приморского края Уссурийская тайга.

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО...

...рыба скафирингус с головой змеи, телом миноги и хвостом ящерицы водится только в трёх реках мира: в Аму-Дарье, Сыр-Дарье и... Амазонке? Никто не знает, почему она обитает именно в этих реках, отстоящих друг от друга на тысячи километров.

...«рекорд бездны» принадлежит пещере Берже (департамент Изер, Франция)? Глубина её 1122 метра. За последние пять лет спелеологи обследовали крупнейшие пещерные системы мира и определили их протяжённость. Самая длинная подземная «улица» планеты (85,2 километра) — это пещерная система Хеллох в Швейцарии. В нашей стране крупнейшими признаны подземелья Подолии, в частности Озёрная пещера — пятая в мире по длине (26,3 километра), третья в Европе.

...редкий случай произошёл в шведском городе Мальме? Молния, ударившая в футбольное поле во время матча, сбила с ног игроков обеих команд и судью. К счастью, футболисты и арбитр отделались лёгким испугом.

...японские геологи вблизи Токио обнаружили скелет ископаемого слона? Интересно, что «возраст» геологических пластов, в которых был найден скелет, не превышает 20 тысяч лет, тогда как слон относится к виду, который, как считалось ранее, вымер 60—100 тысяч лет назад.

...подземную рощу нашли спелеологи в пещере Акмечеть-Аулис на юге Казахстана? В пещере длиной 160 метров, с высокими потолками, куда не проникают лучи солнца, растут деревья. Специалисты считают, что семена деревьев занесли сюда птицы.

...знаменитый Ниагарский водопад... «поставлен на ремонт»? Дело в том, что водопад стремительно отступает. Замеры показали, что каждый год он, размывая грунт, «пятится» почти на метр, а всего за время существования водопад отступил на одиннадцать километров. В 1931 году случилась первая авария — обломился нависший над пропастью козырёк, с которого падала вся масса воды. В течение нескольких десятилетий Ниагарское чудо может совсем исчезнуть, а ведь оно приносит немалые доходы. Чтобы спасти доходное чудо, принято решение отремонтировать водопад. К работам уже приступили.

...дома, которым 22 тысячи лет, обнаружили археологи Белоруссии на берегу реки Судость? Будут восстановлены две полуземлянки каменного века, сложенные из огромного количества костей и черепов мамонтов.

...установлена максимальная глубина мирового океана — 11 022 метра? Её адрес: Тихий океан, Марианский жёлоб.

...горный туннель, соединяющий Францию с Италией, оказывается, помогает сократить путь не только автомобилистам? Когда настанет время лететь из Франции в тёплые края, ласточки летят не как раньше, над Альпами, а выбирают более короткий путь через туннель.

...Дунай — вторая по длине река в Европе? На протяжении всех своих 2850 километров она судорожна. Нет в мире другой реки, к которой примыкало бы так много государств. Восемь стран имеют выход к водам Дуная.

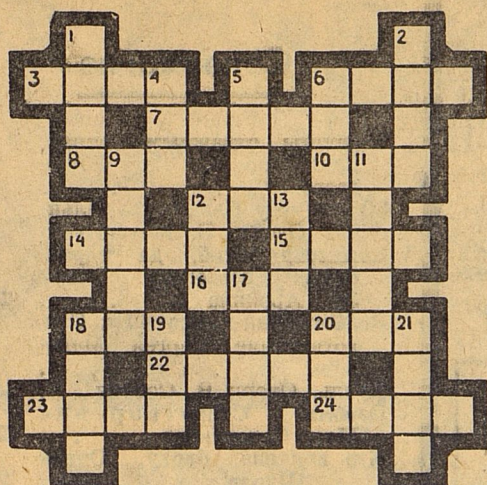
...птицы спят в полёте? Учёные прикрепили на груди нескольких аистов миниатюрные датчики, сообщающие данные о работе важнейших органов птицы во время длительных перелётов. Оказалось, что время от времени пульс летающих аистов замедляется и доходит до той частоты, которая бывает у спящих птиц. Так продолжается 10—15 минут, после чего пульс у птиц становится нормальным.

КРОССВОРД

Составил А. КАРАЗИН

Отдел ведёт В. Акентьев.

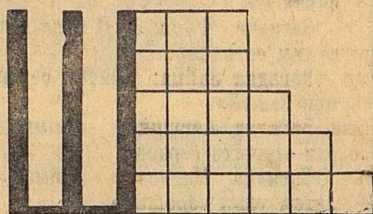

По вертикали. 1. Деталь подъёмного механизма. 2. Произведение В. Маяковского. 4. Крюк на буксире. 5. Хлыст для верховой езды. 6. Наиболее значительный отрезок времени в геологической истории земли, в течение которого образовались все слои группы. 9. Естественный водоём. 11. Ткань. 12. Спортивный термин. 13. Ряд подводных скал, препятствующих судоходству. 17. Затеиловый орнамент. 18. Обязанность. 19. Мера времени в хронологии. 20. Лес. 21. Тонкий слой льда на снегу.

По горизонтали. 3. Часть слова. 6. Часть здания между двумя перекрытиями. 7. Артист, участник драматического спектакля. 8. Повар на корабле. 10. Произведение И. С. Тургенева. 12. Земельная мера. 14. «Горбатый бык» особой породы в Азии и Африке. 15. Индейское племя, населявшее Перу в доиспанские времена. 16. Строительный камень. 18. Порода собак. 20. Плот для причала спортивных судов. 22. Металл. 23. Отпечаток. 24. Хищник из семейства кошачьих.

МОРСКАЯ ЗАДАЧА

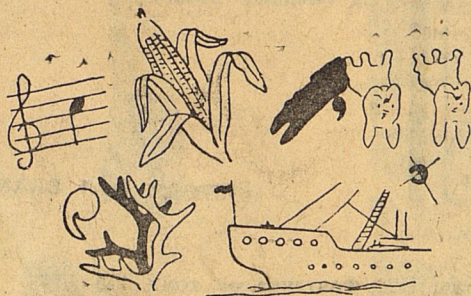
Составил Юра СКОРОБОГАТКО

Выпишите в горизонтальные ряды «морские названия» — пять морских терминов.

РЕБУС

Составил Саша ЦВЕТКОВ

Разгадав этот ребус, вы прочтёте пословицу...

ШАРАДА

Первый слог
Вспахал второй.
И получилась река!

С ПОМОЩЬЮ ЗЕРКАЛА

Составили Лида ШЕНИЧЕВА
и Галя ТУРЫГИНА

ЭУП ДСУ
UПUПU

С помощью зеркала можно прочесть, что тут написано. Читается целое слово сразу.

Проверь себя

(Ответы к «Искорне» № 8—9)

РЕБУС

Весна красна цветами, а осень
плодами.

ЗАДАЧА

На рисунке можно насчитать 68
треугольников.

ХИТРЫЙ РЕБУС

Река (лигрек + а).

СКАЗКА-ЗАГАДКА

Загадка Лисы: «Лиса и во сне кур
считает».

Загадка Гуся: «В воде купался,
сухим остался».

Загадка Зайца: «Летом серый, зи-
мой белый».

Загадка Лягушки: «В пруду Та-
рас кричать горазд».

Загадка Медведя: «Зимой спит,
летом улы ворочит».

Загадка Оленя: «Кто на себе лес
носит?»

Загадка Толи и Гали: «На реке, в
лесу и в поле соберем подарки шко-
ле».

Содержание

Горнисты отважным горнят. Стихотворение В. Нико- лаева	1
30 минут у Владимира Ильи- ча. Очерк Б. Метлицкого	2
Комиссар погиб, да здрав- ствует комиссар! Очерк Эд. Аренина	11
Безымянный комсомолец. Сти- хотворение Сергея Мака- рова	19
Дуэль. Очерк В. Соболя	21
Память. Стихотворение Мих. Садовского	25
Кто подковал блоху... Очерк В. Школьного	26
Комсомольску-на-Амуре. Бога- тыри. Трасса. Палехские кони. У лесной дороги. Сти- хи Вячеслава Кузнецова	31
Подснежники. Продолжение повести А. Власова и А. Млодика	34
Нет друзей вернее... Очерк Э. Миронова	52
Молодые хозяева земли. К фо- тографиям на 3-й странице обложки	59
Самое-самое-самое...	60
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63
На 1-й странице обложки рису- нок художника В. Меньшикова «Шагай вперед, комсомольское племя!».	

На 3-й странице обложки фото-
репортаж «Молодые хозяева зем-
ли».

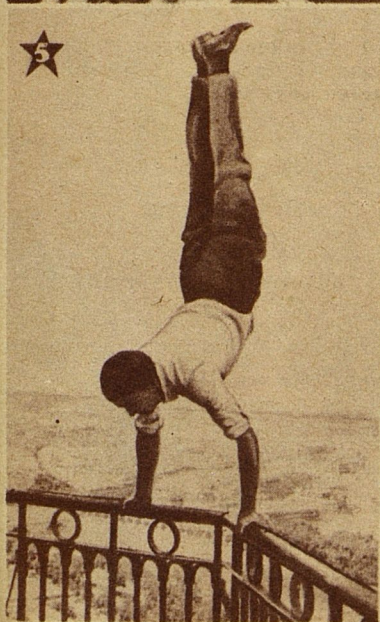
На 4-й странице обложки рису-
нок-загадка художника А. Виско-
ва «Ледовое побоище».

Редактор В. Л. БИАНКИ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115

Сдано в набор 19/VIII 1968 г. Подписано к печати 16/X 1968 г. 4 печ. л.
М-24304. Заказ 1303. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 68 300.

Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

Художник скопировал картину «Ледовое побоище». Копия (нижний рисунок) оказалась неточной. В ней допущено 30 ошибок. Попробуйте их отыскать.